Лорды гор. Белое пламя

Автор:
Ирмата Арьяр

Лорды гор. Белое пламя

Ирмата Арьяр

Лорды гор #3

Под сверкающим льдом вершин Белогорья скрыты грязные секреты горных кланов. Внутри белой клетки огромной шахматной доски притаилась черная. Кто предатель, проникший в сердце гор? Что важнее: любовь или тайна? Закулисье властных интриг случайно приоткрывается перед двумя молодыми магами, Дигеро и Ярреном, и девушкой из закрытого подгорного мира, у которой нет даже имени…

Приквел к циклу "Лорды гор" с другим сюжетом и героями.

Ирмата Арьяр

Лорды гор. Белое пламя

Глава 1. Безымянная вещь

Никто из разумных существ, кроме подземного народа синтов, не смог бы идти ночью по заледеневшей горной тропе.

И даже синты не рискнули бы выйти на поверхность без разрешения духов-покровителей клана, владевшего горой или долиной, по которой пролегал путь.

Нарушителя ждали в лучшем случае плен и мука неподвижности до пробуждения лорда-риэна и его суда, а в худшем – жуткая смерть, если духи окажутся слишком голодны. Впрочем, чистокровным подземным жителям и плен грозил смертью сразу после восхода светила: их огромные желтые глаза, приспособленные видеть в кромешной тьме, не выносили солнечного света, а тонкая белая кожа мгновенно покрывалась волдырями ожогов и трескалась.

Все эти обстоятельства сделали бы бесценными полукровок, рожденных синтками от верхних жителей и способных одинаково хорошо видеть и в темноте, и при солнечном свете, если б само появление таких детей не считалось величайшим позором.

Они были хуже парий – неоты, недостойные ни рода, ни даже имени.

Мыслящие вещи. «Эй, ты».

Такая безымянная девушка, дочь подгорной синтской жрицы и верхнего воина из особой горной касты вейриэнов, и поднималась в предрассветном мраке по каменной тропе. Небо уже светлело, и глаза полукровки легко различали малейшие неровности скальной породы.

Серпантин тропы вился по склону горы, возвышавшейся над долиной Лета. Иногда путь преграждали глубокие трещины, через которые и горная коза не перепрыгнет, или, наоборот, крупные валуны, оставшиеся после оползня. Их неота преодолевала так легко, словно была урожденной горной волшебницей – риэнной, повелительницей духов.

Отчасти так оно и было, полукровка унаследовала каплю белой магии, вот только не Безымянная приказывала духам, а они ей.

Один дух.

Небольшая долина Лета и окаймлявшие ее горные склоны были нейтральной территорией и находились под покровительством Совета верхних горных

лордов. Охраняли долину сонмы духов, готовых разорвать чужака. Но только не эту гостью.

У нее был особый покровитель.

«Здесь», – остановил ее мысленный приказ.

Девушка остановилась на довольно широком выступе, свисавшем над долиной как каменный язык великана.

«Устраивайся поудобнее и жди, рассвет уже скоро».

«Отец, может быть, ты расскажешь, зачем меня вытащил?» – вместе с вопросом Безымянная постаралась передать все недовольство столь ранней побудкой. Хотя подземный народ и жил в вечной темноте, разбавленной флюоресцирующей породой или светящимися растениями, но подстраивался под жизненные ритмы своих наземных владык – риэнов, а те предпочитали спать по ночам.

«Такого знаменательного утра в Белых горах не случалось уже лет пять, со времени первого визита короля Роберта Сильного. Я не хотел, чтобы ты его пропустила», – ответил голос. Теплый и низкий, слегка хрипящий голос давно умершего белого мага.

Девушка стряхнула иней с невысокого валуна, бросила на него кусок кожи ушайды, – лучшая изоляция от холода, – закуталась плотнее в меховую накидку и уселась, приготовившись ждать. Зима в этом году запаздывала, но по утрам уже сильно морозило, изо рта и ноздрей неоты вырывался пар.

«Значит, ты все-таки можешь видеть будущее, если знаешь, что тут произойдет?» – спросила она мысленного собеседника.

Он не ответил, как всегда, когда девушка задавала неудобные для него вопросы. Тогда она поинтересовалась:

«И чем же необычно это утро?»

«Хотя бы тем, что ты увидишь сразу двух кронпринцев: северного и равнинного», – с готовностью отозвался голос.

«Принца Лэйрина я уже не раз видела, хоть и издалека. Какое мне до него, а ему до меня дело? А северный чужак мне тем более не интересен. С чего бы мне, ничтожной парии, интересоваться принцами?»

«Тогда посмотришь на соревнования выпускников воинской школы риэнов, это красиво».

«Я в прошлом году видела. Подумаешь, танцы с гейзерами. Я тоже умею».

«Совершенствуйся, наблюдая. Ты же любишь смотреть на тренировки горцев, хотя для тебя их упражнения почти бесполезны, ты не обладаешь властью над духами. А главное, ты забыла, что в этом году выпускается один кареглазый горец, который тебе не безразличен, как я заметил».

«Ты всегда всё замечаешь, никуда от тебя не спрятаться, – вздохнула девушка, а ее сердце стало биться чаще. – Мало ли кто мне не безразличен. И как. Внизу есть один… ювелир Охимэ, глава мастерских Синего Лепестка. Он тоже мне… не безразличен. Он даже хочет дать мне имя».

«И что не так? – озадачился дух. – Разве ты не мечтала получить имя? Разве это не освободит тебя?».

Безымянная поежилась: холод пробирался под меховой плащ. Она откинула с плеча заиндевевшую от ее дыхания косу. В предрассветных сумерках волосы девушки слегка светились, а в солнечных лучах ее длинная коса станет яркой, как поток белого золота. Роскошная шевелюра была ее единственным богатством, унаследованным от матери-синтки.

«Ты не видел эту глисту, папа. Ненавижу их. Всех. Он же не жениться предлагает. Он, видите ли, не брезгует взять полукровку наложницей, пока не рожу ему дочь. И знаешь зачем? На продажу! И это происходит в Белых горах! Белых? Точно Белых?»

Девушка подняла камушек из-под ног и с силой швырнула в скалу, чтобы хоть как-то выразить переполнявшее ее негодование. Отскочив от отвесной стены, камень распался осколками, и острый край оцарапал ее руку.

«От меня будут красивые и сильные дети-рабы с каплей крови вейриэна! – мысленно прорычала она, а ее душа, казалось, кровоточила, словно это ее рассекли острые каменные брызги. – А когда этот мерзкий червяк выкинет меня с ложа, дорога мне, как полукровке, только обратно в храм, и тогда мой статус повысится до небес: из безымянной вещи и поименованной личной подстилки старого глиста – до жрицы, и после Охимэ меня заставят ублажать любого, кто пожелает!».

«Мы этого не допустим, успокойся, родная. Тебя до сих пор не тронули и никогда не посмеют тронуть. Они знают: ты под нашей защитой непрерывно. Духи не спят».

Неота смахнула со щеки злую слезу, стиснула озябшие ладони коленями.

«Я никогда не успокоюсь и не смирюсь, отец. Никогда. Они меня не получат».

«Конечно нет, моя звездочка. Возьми себя в руки. Ты – будущая вейриэнна. А каждая истерика отодвигает срок созревания твоего духа».

Неота глубоко вдохнула, задержала дыхание, резко выдохнула… и успокоилась.

«Прости, отец. Ты мне вот что скажи… Мне уже восемнадцать, и за последние двенадцать лет, я уже хорошо тебя изучила… хотя ни разу не видела, потому что ты мертв. Ты привел меня сюда не для того, чтобы без помех поболтать, так ведь? Так для чего?»

Дух снова ответил через паузу, словно собирался с мыслями.

«Для того, чтобы я твоими глазами и твоей душой увидел, что сегодня произойдет в долине Лета, моя синеглазая звездочка».

«Но ты же дух! Ты можешь проникнуть в любую точку мира и увидеть!»

«Не в любую. Я ограничен в перемещениях. И я вижу не глазами смертных, у духов другое восприятие физической реальности. Материя… впрочем, тебе еще рано, не поймешь. Если бы мне был нужен другой способ, я бы им воспользовался, чем рисковать, что ты сорвешься в пропасть или простынешь».

Девушка нахмурилась. Она чувствовала подвох и недосказанность, но и чувствовала искренность собеседника. Он что-то недоговаривал, но не лгал. Вейриэны никогда не лгут. Но изощренно обводят вокруг пальца.

«Ты спрашивала, не вижу ли я будущее из страны духов, – чутко среагировал отец на ее сомнения. – Раньше я говорил: мы не боги, чтобы видеть всю стрелу времени. Но суть в том, что будущего не существует. Оно творится на кончике летящей стрелы, здесь и сейчас. Существуют только мириады вероятностей, и летящая стрела каждый миг выбирает, какая из них осуществится. Высшее Белогорье чувствует, что сегодня произойдет такой выбор, который или пошатнет мир, или укрепит. Я с твоего позволения воспользуюсь тобой, чтобы укрепить ту вероятность, какую просчитали высшие мастера как наиболее благоприятную».

«А если не позволю?» – спросила неота, слушавшая, затаив дыхание.

«Твое право. Это тоже выбор, на этот раз только твой».

«Судьбоносный выбор безымянного камушка, с которого начинается лавина, способная погрести мир?» – усмехнулась она, подняв еще один камень величиной с яблоко. Взвесила в ладони, но бросать не стала, а позволила выкатиться из ладони. Камень канул в ту же бездну, как и осколки предыдущего.

«Ты у меня умница, всё понимаешь».

«Что я должна сделать, чтобы не пожалеть о своем выборе?»

«Твой вопрос показывает, что ты боишься, дочка, – голос словно смягчился улыбкой. – Не думай о себе, о своем выборе, об ответственности, о будущем. Тебе нужно отрешиться от мира, и тогда мир сам сделает выбор».

«Или ты вместо него», – рассмеялась Безымянная.

«Или я, раз ты боишься».

«Ты меня совсем запутал. Я часто не понимаю тебя, но знаю, что если мой выбор окажется неправильным, мне никогда не стать стражем Белогорья. Так?»

Холодный ветер нежно коснулся ее щеки, взъерошил мех капюшона.

«Почему никогда, маленькая синеглазая незабудка? Ты просто станешь вейриэнной гораздо позже. Сегодня – тот редкий момент, когда ты сможешь приблизить свое освобождение от храмового ошейника. Ведь ты из-за него даже не в состоянии быть на солнце, чтобы заниматься с кем-нибудь из моих собратьев в полную силу».

Она вздохнула, потрогала замерзшими пальцами шершавую полоску ошейника, прилипшего к ее коже так плотно, что иногда казалось: он уже навсегда врос в нее, стал ее частью. Ошейник был сделан из кожи змеи ушайды, и обладал многими необычными свойствами. Одним из них была способность сжиматься под воздействием солнечного света так сильно, что храмовый раб мог задохнуться.

Мерзкое украшение неота получила после первого и последнего бегства на поверхность в надежде, что там-то синты ее не смогут поймать, и она разыщет если не отца, то его товарищей. Увы, пятилетняя девочка не учла, что у подземных жителей тысячелетняя договоренность с риэнами, строго соблюдавшаяся горцами, и лорд Этьер вынужден был вернуть беглянку жрицам.

Но после этого случая с ней впервые заговорил дух ее погибшего на чужбине отца. Так что, отчасти цель была достигнута. Оказалось, синты так тщательно скрывали синеглазую полукровку, что вейриэны решили, будто ребенок погиб вместе с матерью.

Безымянная помнила свой восторг и свое горе, когда она поняла, что ее отец все еще не возродился. Ведь сказки синтов утверждали: белые воины воскресают, не успев умереть, потому они непобедимы. Только его поддержка помогла девочке пережить страшное наказание, когда беглянку впервые заперли в змеиной яме.

В пределах храма отец по-прежнему не мог говорить с дочерью. Но это было уже не так страшно, как полное одиночество. Неота полюбила работу в подземных садах за пределами храмовых пещер и даже сама вызывалась чистить логова ушайд. После того, как она на нее надели ошейник и поселили среди них, змеи лишь играли с девочкой, пропахшей их слизью, но не трогали. И полукровка могла хоть часами слушать отца и впитывать его знания.

Большего пряника, чем обрести свободу, трудно было предложить, и девушка решилась.

«Хорошо, папа. Я согласна. Раз уж я не могу немедленно изменить свою судьбу, то хочу попробовать, каково это – решать судьбы мира. Это звучит гордо, – с брезгливой гримасой произнесла низшая из парий. Пусть отец знает, как она относится к его манипуляциям. – Почти как – владеть миром».

«Не возгордись. Это еще не власть над миром, – рассмеялся вейриэн. – Да ее и не существует ни у кого. Это всего лишь ход в бесконечной игре до следующего выбора».

Ветер снова бережно коснулся щеки девушки, и вдруг дернул за выбившийся из-под капюшона сияющий локон.

«Эй! – возмутилась неота. – Я хочу знать намного больше. Цель твоей игры я немного уже представляю – вернуть белую королеву против воли горных лордов и даже синтов. Так?»

«И даже против ее воли. Но и это лишь тактический ход. Наша цель как стражей всегда была, есть и будет – безопасность и жизнь Белогорья от начала до конца веков. А для этого надо устранить такое мерзкое явление в Эальре, как Темная страна».

Неота благополучно пропустила почти все высказывание. Устранить Темную страну, словно это камушек под ногой! Нереально. И, вместо того, чтобы ужаснуться глобальности планов, девушка изумленно выпалила:

«Подожди. Против ее воли? Так королева уже родилась?»

И опять ответом ей было молчание.

Впрочем, неота уже отвлеклась: всходило солнце, а это фееричное зрелище всегда заставляло ее сердце трепетать от восторга. Она даже вскочила с валуна, чтобы ее, подземной жительницы, на крохотную долю мига раньше коснулся свет. И не заметила другого чуда: как ее нога ступила на воздух над обрывом так спокойно, словно под стопой не пропасть оказалась, а каменный язык скалы.

«Осторожно, моя звездочка», – порыв ветра, ударивший в грудь, заставил ее отступить от края.

Неота поняла отца по-своему: закутала шею плотнее в меха, чтобы солнечные лучи не коснулись змеиного ошейника, и громко крикнула восторженное:

– Эгей! Привет, Солнце! Я люблю тебя!

И утренняя феерия началась.

В долине Лета еще лежала тьма, скрывая от глаз ее тайны, а одна сторона обрамлявшего ее горного кольца вспыхнула золотисто-розовым светом. Сияющие ледяные вершины гор словно рождались заново, вырастали из стремительно убегающей черноты. У Безымянной захватило дух от их красоты. А когда внизу проснутся разноцветные гейзеры, и в небо поднимутся дивные, сверкающие цветы водяного сада, зрелище станет совсем волшебным.

Тут ее взгляд уловил движение в воздухе: кто-то, похожий на сверкающий в рассветных лучах снежный смерч, летел к долине с противоположной стороны.

«Это мастер Рагар?» – будущая вейриэнна узнала его снежного дракона.

«Его ученик. Принц Лэйрин. И, кажется, его подружка Лилиана».

Неота выдохнула с облегчением. Уже не раз под руководством отца, воспитывавшего будущую стражницу, она вот как сейчас, спрятавшись за валунами, наблюдала за тренировками горцев и даже за принцем. Наверняка с разрешения его учителя, вряд ли Рагар оставил бы без внимания

наблюдательницу. Но кто знает, как высший вейриэн отреагирует на ее присутствие в сердце Белых гор – долине Лета?

Дракон, больше похожий на белый крылатый вихрь, чем на живое существо, опустился на специальную площадку и освободился от всадников. Солнце взошло достаточно высоко, чтобы осветить ребристую поверхность каменного дна долины и пробудить магические гейзеры. Уже начали набухать, словно почки, первые разноцветные родники, пока совсем крошечные. Потом они распустятся дивными цветами.

Неота смотрела на тренировочный полигон сбоку – так лучше будет виден путь прохождения учениками полосы препятствий. Ведь ей не так и важно, кто из них первым придет к финишу и чей белый балахон останется самым чистым после танца со струями окрашенных во все цвета радуги вод. Ей главное – видеть, к каким уловкам прибегают соревнующиеся, оценить свои шансы.

Иногда Безымянной казалось, что дух отца, смотревший на долину ее глазами, – хотя мог бы взирать из любой точки пространства и без помощи смертной, – дух вейриэна здесь тоже судья, а не наблюдатель. Отец учил дочь даже с того света, но прежде всего он – страж Белогорья. А вейриэны, как казалось храмовой рабыне, никогда ничего не делают просто так, без двойной пользы.

Между тем, в долине, как и обещал отец, происходило что-то из ряда вон выходящее.

Неота увидела, как за спиной принца Лэйрина, опустившегося перед Лилианой на колени («В любви, что ли, признается?», – фыркнула неота), появилась группа молодых горцев во главе с беловолосым лордом-риэном. Его неота тоже знала не понаслышке: лорд Наэриль, молодой глава дома Раэн, был частым гостем в синтских подземельях.

Не успели горцы сойти с невидимой тропы духов, как между Лэйрином и Наэрилем завязалась стычка.

До неоты не долетало ни звука, но о Наэриле она слышала от матери только хорошее: он не обидел ни одну синтку и заботился о своих подземных жителях, никогда их не обманывая при расчетах за работу в шахтах. Потому симпатии неоты были на его стороне. А мелкого и щуплого для своих лет принца Лэйрина

девушка почти возненавидела, когда тот ударил лорда ногой, извернувшись в прыжке.

«Тоже мне, будущий король!» – мысленно возмутилась Безымянная.

«Ты сейчас мыслишь как рабыня своих же предрассудков, – упрекнул неоту отцовский голос. – Вейриэнна никогда не возьмется судить конфликт, не разобравшись в причинах, и никогда не будет делить конфликтующих на своих и чужих. Стражи зрят суть, а не видимость. Кроме того, твоей задачей вейриэнны будет охрана будущей королевы, а принц Лэйрин – ключ к ее возвращению».

Драку прекратил Дигеро.

Его фигуру неота тоже узнала бы на любом расстоянии, почувствовала бы, даже стоя спиной. Проверено. Может, так проявлял себя «узел судьбы», или она тоже умеет смотреть глазами духа вейриэна, как и отец – ее глазами? Или это потому, что в ней течет его кровь, и она – наполовину вейриэнка, а все белые воины едины от века до века, даже те, кто уже умер или еще не рожден, или еще, как она, не прошел обучение в халайре Белого Пламени.

Халайра. Ее мечта.

Ей нужно всего лишь получить имя, и храм вынужден будет отпустить ее, признав свободу ее воли. Только у вещи не может быть ни своего имени, ни своей воли.

Халайра – это не братство, поскольку есть и сестры, и не орден, как у служителей культа равнинного бог. Халайра – это и духовная семья, и военный союз стражей Белогорья. А пока она для вейриэнов – спарка, искра, отлетевшая от общего костра.

«Не грусти, – тут же отозвался отец. – Искры для того и летят, чтобы расширить наш очаг. Не зря же айры назвали наш мир Очаг, или Эальр, и подарили нам пламя магии. Всё, сосредоточься и смотри внимательно, моя искорка».

И действительно, уже был брошен жребий и началось соревнование горцев, даже кронпринцу разрешили участвовать. Неота с замиранием сердца следила

за прохождением Дигеро, а потом – с ревнивым восхищением – за танцем кронпринца Лэйрина, игравшим с гейзерами так ловко, что ни одна капля не коснулась его белоснежного балахона.

Лэйрин с легкостью, ни разу не оступившись на скользких ребрах ячеек, дошел до конца долины и повернул назад, уже почти добрался до финиша, опередив по времени и чистоте прохождения старших соперников, когда Безымянная вдруг поднялась с валуна и раскинула руки, впуская в себя волю мертвого вейриэна. Ее голова на миг закружилась, когда сквозь нее пронесся поток невероятной силы и ударил в долину невидимой стрелой.

В тот же миг фигурка принца покачнулась, его балахон окрасился, показывая условное смертельное ранение.

«Зачем ты это сделал, отец? – выдохнула возмущенная неота, едва придя в себя. – Чем бы тебе помешала его победа?»

«Так надо. Этой фигуре еще рано побеждать».

«Но это так… так мелочно!» – кипело ее негодование.

«Все лавины начинаются с движения мелкого камушка. Тебе пора. Дальше тут ничего особенного не произойдет. Твой герой победил, и уедет вместе с принцем Игиниром в Северную империю».

«Как уедет?» – Безымянная рухнула на валун, едва не отбив копчик о камень.

«На ласхах, вестимо. Иди, дочка. Не переживай, по договору с императором Дигеро фьерр Этьер пробудет в охране принцессы Виолы не больше года, затем его сменят».

Но оцепеневшая девушка не могла сдвинуться с места. Сама мысль, что кареглазый горец станет совсем недосягаемым, и она, изучившая все его излюбленные тропинки (кроме тропы духов, конечно), не сможет увидеть его даже краем глаза, показалась ей невыносимой.

– О чем я только думаю? – прошептали ее заветревшие на холоде губы. – Дура, как есть дура. Он лорд. Он даже не узнает никогда о моем существовании. Никогда.

Ее привела в чувство боль от забытого ошейника. Меховая накидка распахнулась, и змеиная кожа начала сжиматься на свету. Неота схватилась за горло.

«Ну что же ты! – всполошился дух ее отца. – Быстрее, спрячься в тень, пока кожа ушайд не расправится, или в пещеру, тут недалеко!»

Девушка с трудом поднялась, кутая горло в накидку. И на прощанье подошла к самому краю обрыва и отыскала взглядом далекую фигурку Дигеро. И мир рухнул.

Младший лорд на глазах у товарищей и наставников целовал Лилиану.

Неота вскрикнула, ошейник сжался еще сильнее, лишая ее возможности дышать, нога соскользнула, и девушка, теряя сознание, упала в пропасть. Последнее, что она видела – чистое небо, синее, как ее неправильные отцовские глаза, и солнце, такое же желтое, как глаза ее матери.

А после смерти она увидела и вовсе странную картину.

Горец с теплыми как гречичный мед глазами сидел за столом в просторной комнате, украшенной лепниной и барельефами и что-то писал. Измученная душа неоты подлетела ближе и заглянула из-за его плеча. Ведь после смерти уже не важны запреты живых, и ее стыд умер вместе с ее телом.

А душа… Душа понимала даже те незнакомые закорючки, которые выводил на бумаге грифель карандаша Дигеро. И неота не могла оторваться, завороженно наблюдая, как раскрывалось перед ней сердце младшего лорда дома Этьер.

«Возвращайся, моя звездочка!» – растаял далекий отцовский голос.

Возвращаться неота не хотела. Зачем? Что ее ждет?

В мире живых у нее даже нет имени, и ее никто не может позвать.

Глава 2. Поручение

Здравствуй, мой принц, долгих тебе лет и прочая. Пишет тебе младший лорд Дигеро фьерр Этьер, точнее, не тебе, а самому себе, но так мне проще, если воображать тебя адресатом. Тогда нет ощущения безумия, да и все эти витиеватые «ваши высочества» можно спокойно опустить.

Яррен советовал мне вести дневник, но это занятие не для воина и мага, а для таких мечтательных девчонок, как мои младшие сестры. Потому я решил писать письма. Разумеется, я не собираюсь их отправлять, просто мне легче сосредоточиться, представив тебя своим собеседником.

Почему именно тебя? Потому что я и так часто тебя вспоминаю. Больше никому не удавалось так легко выводить меня, и я хочу с этим разобраться и покончить раз и навсегда. Младший лорд-риэн должен быть невозмутим, как седые вершины гор, а разум его ясен, как небо над высочайшим пиком. С тобой у меня не получается сохранить безмятежность духа. Нет, обычно я виню в этом только самого себя и недостаток воли. Но сегодня…

Если бы ты знал, Лэйрин, как я сегодня зол на тебя! Как чесались кулаки расквасить твою смазливую физиономию или притопить тебя, паршивца, в бочке с ледяной водой – той самой, что стоит у двери на заднем дворе вашего замка, где учитель Рагар устроил малый полигон.

Собственно, мысль о ледяной купели и охладила мое бешенство, когда я позорно сбежал из библиотеки вместо того, чтобы проучить обнаглевшего мальчишку. Да, именно тебя я имею в виду, Лэйрин. Обнаглевший. Невоспитанный. Мальчишка.

Уффф… отлегло. Хорошо, что ты никогда это не прочтешь.

К счастью, мы теперь долго не увидимся: я избран Советом лордов сопровождать твою сестру, принцессу Виолу, от имени Белогорья. Это огромная

честь и ответственность. И будь уверен, Лэйрин, я не буду ронять свое достоинство позорной стычкой и, тем более, неравной дракой с младшим братом невесты и наследником равнинного трона.

Если ты добивался, чтобы меня отстранили, или чтобы я стал тебе врагом, ничего не выйдет. Я останусь твоим другом и не поддамся на провокации. И пусть духи моего рода засвидетельствуют эти слова.

К следующему полудню я должен явиться к зданию Совета Лордов и присоединиться к свите северного принца Игинира. Мне дали сутки на сборы.

Но надо же еще эти сутки как-то прожить!

Я собрался за пять минут: проверил оружие, уложил дорожный мешок, убрав все, что насовали обожаемому брату младшие сестрички – какие-то бусики, засушенные цветы, вышитые платочки. Если это все брать, понадобится повозка. Маленькая Айдора не пожалела самого ценного: любимую куклу, изображавшую последнюю горную королеву Лаэнриэль, погибшую полтора века назад. Зеленоглазая и черноволосая кукла с тонким фарфоровым личиком напомнила мне о правнуке королевы. О тебе, Лэйрин.

Снежный дьявол тебя побери, думал я. Весь в прабабку. С таким лицом и фигурой тебе надо было девчонкой родиться. И можешь убить меня за эти слова.

Я закрыл глаза, представил…

Ну почему боги так несправедливы?

В мыслях царил непривычный, раздражавший хаос. И причина его – не в предстоящем дальнем путешествии с Северным принцем за пределы Белых гор, в столицу Гардарунта, не в оказанной мне чести сопровождать потом невесту императора от лица гор. Причина была такой горькой и постыдной, что сводило скулы, а сердце окунало в пекло. И только одна мысль билась в висок: Лэйрин! Что ж ты натворил, дурень?!

Чтобы отвлечься, я в сотый раз вытряхнул и уложил вещи, в тысячный – проверил идеальную заточку меча и кинжалов.

И ведь на дуэль не вызвать.

Зачем только тебя принесло в долину Лета? А я, дурак, еще обрадовался, увидев знакомые зеленые глазищи. От лорда Наэриля полез тебя защищать. А ты… Как ты мог так бесчестно со мной поступить? Неужели считаешь, что принцам все можно? А еще друг…

Демон! – я грохнул кулаком о стену так, что осыпалась позолота с завитушки лепного орнамента на барельефе. Ребро ладони заныло. До сих пор болит, а легче не стало.

Да что со мной?! Надо успокоиться.

Глубокий вдох. Медленный выдох. Тысяча демонов!

…А как ты шел утром по долине Лета между гейзерами! Скользил так легко, танцующе, словно сам стал струящейся волной. Чуткий, гибкий, летящий белый сполох. Ни один гейзер не зацепил даже краем. Только на выходе. И такое у меня подозрение, что это мастер Рагар тебя магией сбил, специально. Но перед этим…

Перед этим мы видели чудо, Лэйрин. Ты нас всех утер.

Даже грубиян и задира Хорх проникся и дышать забыл. Северный принц Игинир – существо, только выглядевшее юным – и тот обомлел. И в глазах у него было что-то такое… восхищение, само собой, но не только… не понравился мне его взгляд так, что ударить захотелось, аж кулак свело.

Вот как сейчас…

Надо вытряхнуть мешок и снова собрать…

Ты никогда не был в моей комнате. Я не приглашал тебя даже в твой единственный визит в наш дом. Тебе бы не понравилось. Я тоже не люблю всю эту помпезность. Зато из окна отличный вид на двуглавую горную вершину горы Шейр. За ней начинались владения рода Грахар. Если бы я мог смотреть сквозь скалы, то разглядел бы твое жилище – маленький полуразвалившийся замок.

Все, что осталось от былого великолепия одного из тринадцати великих горных домов.

Меня всегда удивляло, что ты будто не замечаешь его ветхости. Ты не стыдился нищеты, наоборот, это мне было стыдно за наше богатство. Наверное, надо родиться принцем, чтобы чувствовать себя им даже в обносках и лачуге. Знаешь, ты преподал мне урок достоинства, а я пока ничем не отблагодарил.

Да что ж мне так тоскливо, боги?

Никогда еще я настолько не терял самообладания. А там, в библиотеке… Пальцы до сих пор дрожат, и сердце колотится, как больное. Стыдно. Я ведь чуть не убил тебя. Еле сдержался. Я – маг, а ты – нет. Еще нет. Потом ты станешь сильнее любого горного риэна, когда унаследуешь дар короля Роберта.

На церемонии благословения духи рода всё поймут обо мне, нечего и надеяться скрыть. Душа перед ними всегда настежь. А, значит, и мать через них узнает, и сестры. И отец меня проклянет, весь род будет презирать до конца моей жизни, надеюсь, недолгой.

Лучше уж самому исповедаться духам, без родственных ушей. А еще лучше – убиться тихонько, пока никто не узнал.

Так ведь воскресят! Вот что самое паршивое!

***

По пути в домашнее святилище я оступился на ступеньке узкой лестницы и едва не въехал лбом в грудь молоденькой служанки из долинных дальегов, поднимавшейся навстречу.

– Что с вами, фьерр? – испуганно взлетели ее черные ресницы. – Вам плохо?

– Нет. Все хорошо, Аньес. Извини, если напугал.

Аньес была очень хорошенькой для грубоватых жителей горных долин. Но не в моем вкусе. Мне нравились более изящные и скромные девушки. А эта – отнюдь не образец скромности и ума. Да и интересовал ее больше мой старший брат Эрин. Еще бы. Он – будущий лорд дома Этьер, к нему перейдет полная сила риэна. Даже его любовницы, если ему заблагорассудится ими обзавестись, будут жить дольше обычных людей долин. Кто из женщин откажется от неувядающей молодости и звонкого кошелька? Я, конечно, знаю, что он никогда не унизит нашу кровь позорной связью.

А я – всего лишь младший лорд. Резервный запас на случай преждевременного ухода старших в страну духов. Долю наследства мне, конечно, выделят, но хозяином в доме не быть. Только если службой выкуплю часть общеклановых земель с какой-нибудь горушкой и стану основателем нового горного дома.

Аньес меня не замечала до сего дня, не интересен я ей. Потому весьма удивился ее кокетству.

Служанка, красуясь, перекинула толстую косу на плечо и не торопилась освободить путь, участливо заглядывая в глаза.

– Я могу принести вам укрепляющего чая, фьерр Дигеро, – с придыханием шепнула она.

– Не стоит беспокоиться, – я протиснулся в опасной близости от ее груди. Аньес, якобы пропуская, отклонилась, но на самом деле выгнулась так, что коснулась меня бедром. Меня снова бросило в жар, и я опять споткнулся на нижней ступеньке. В спину долетело сдавленное хихиканье.

Проклятье! Даже служанки надо мной смеются!

Вне себя от злости я вылетел из холла, протопал по извилистым коридорам, обезображенным лепниной. В соседнем замке рода Грахар такое изобилие считалось бы дурным вкусом. А у Лэйрина в спальне – ни одной глупой завитушки. Тьфу, опять я…

Рискуя свернуть шею, я сбежал по винтовой лестнице, ведущей в подземелье. Открыл блок нижнего уровня, просто прижав руку к родовой печати.

И остановился, прислушиваясь. Массивная дверь святилища была приоткрыта, слышался женский смех, мягкий голос отца и глухой потусторонний рокот. Лорд и леди Этьер то ли готовились к таинству, то ли просто решили поболтать с духами предков.

Развернувшись, я ушел, не солоно хлебавши. И тут не повезло.

Оставаться в доме сил не было. Жаль, что отъезд Северного принца запланирован только через сутки. За это время я тут с ума сойду.

Я поднялся к себе, сел за письмо.

Лучше бы выместить досаду в тренировочном бое, но с кем драться? Не со слугами же! Даже поговорить не с кем. Да и кому я мог рассказать о таком позоре? Ко мне полез с поцелуйчиками парень! Тьфу, мерзость какая! Если ты, Лэйрин, еще раз посмеешь ко мне прикоснуться, набью морду, не посмотрю, что будущий король.

Надо прогуляться, проветрить больную голову.

***

Продолжаю. Яррен говорил, чтобы я записывал каждый час. Но это же безумие, это нужно жить две параллельных жизни, чтобы одна другую наблюдала и записывала! Потому я поступил проще: попросил у Эрина одолжить мне духа-помощника.

Наш дом, хоть и не из Великих королевских, но кишмя кишит потусторонними сущностями. Их никто не боится, разве что дальеги из новеньких шарахаются поначалу, когда мимо них сам по себе проплывет кувшин с цветами в мамину комнату или пустой поднос на кухню. Ты не подумай, мой принц, мы не издеваемся над простаками. Незнающим сразу объясняют, что предметы не сами летают, а их несут духи, лишь частично перешедшие на земной план. Сила есть, тела нет.

Вот духи и любят попугать.

Скучно им, бессмертным. Им хочется вкусить энергии живых, прикоснуться к нашим радостям и печалям, страхам и надеждам. Особенно тем духам, кто умер в младенчестве и недавно был позван риенной рода – не наигрались они при жизни, а взрослеть надо, особенно, в духовном мире. Там слабый может раствориться вдруг и бесследно. Слышал я, как отец с матерью обсуждали эти странности высшего мира.

Вот такого духа-невидимку из бессмертной мелочи я и попросил, чтобы диктовать ему, а то и позволять брать из памяти. Зачем Яррен уговаривал даже мелочи записывать – не понимаю. Но почему-то верю, что это понадобится. Полукровка еще никогда не ошибался.

Договорившись с духом, чтобы не фиксировал всякие интимные надобности, неизбежные для каждого истинно живущего, я побежал до конюшни и оседлал коня.

Пока затягивал подпругу, вспомнил: я же хотел попросить отца, чтобы тот поговорил с лордом Эстебаном, и Совет сменил бы Яррену вид наказания. Совсем вылетело из головы из-за переживаний!

Конечно, меня никто не просил об услуге. Яррен никогда не снизошел бы до подобных просьб. К тому же, особыми друзьями мы с ним не были. Приятели – самое большее. Ближе он никого к себе не подпускал. И дела мне до всей этой истории не должно быть никакого.

Но меня слишком возмутило, как Совет поступил с ним.

Младшего лорда заперли в тюрьме, словно убийцу! И всего лишь – за отказ участвовать в соревнованиях в долине Лета под началом лорда Наэриля. Правда, Яррен не просто отказался, а в таких выражениях, да еще сказанных в лицо самому главе Совета лорду Эстебану, что я не берусь повторить. Но в карцер?

Под недоуменным взглядом конюха я расстегнул пряжку, снял седло и, скормив озадаченному жеребцу яблоко, отправился обратно в подземелье.

Опоздал.

Ход был уже намертво закрыт каменным блоком. Руны на камне предупреждающе налились багровым. Женщины рода общались с духами.

Как они выдерживают такое, лучше не думать. Нашей семье еще повезло: все женщины унаследовали дар риэнны, даже малышка Айдора, и сообща им легче. Да и мужчина всегда подставит плечо главной жрице рода.

А вот как миледи Хелина столько лет одна дом держит, не опираясь ни на силу дочерей, ни даже на мужскую силу – уму непостижимо.

Я всегда преклонялся перед ней. Сильная женщина. Говорят, ее шесть дочерей унаследовали красоту миледи. Если так, то они воистину прекрасны. Не зря же северный император столько лет добивался руки одной из них. Причем, любой из шести. И добился все-таки. Трехсотлетний старик берет в жены семнадцатилетнюю девчонку, лишь на год старше Лэйрина.

Опять я о принце вспомнил, демоны!

Кажется, я хотел проветриться. Все равно ждать не меньше часа, когда отец освободится, чтобы рассказать ему о Яррене.

Когда я вернулся на конюшню и снова взялся за седло, конюх с помощником озабоченно переглянулись. Ну и плевать.

Конь вынес меня к перевалу, за которым открывался вид на соседний замок рода Грахар, откуда я не более трех часов назад бежал, как ошпаренный. Словно я убийца какой – вернулся на место преступления. А разве я тут преступник?

Если подумать, то виновен в случившемся только твой отец, Лэйрин. Это проклятый рыжий буйвол так повлиял на тебя еще пять лет назад, когда ты месяц жил при его дворе. Насмотрелся ты там на папочкины развлечения, вот и подражать вздумал.

Спешившись, я начал спускаться по тропе к замку. Если уж вернулся, то стоит поговорить спокойно с другом детства, прочистить тебе мозги. Больше некому, если уж с отцом тебе так не повезло.

Благие намерения лежат на дне ущелья, – вспомнилась мне поговорка дальегов, когда из-за скалы выехал мне навстречу незнакомый воин в белых одеждах вейриэна. В его черных волосах сверкала на солнце снежная прядь, у губ пролегли глубокие морщины, а светлые пристальные глаза походили на сосульки. Явно кто-то из мастеров, хотя я никогда раньше его не видел, а к моему отцу вейриэны часто наведывались зачем-то.

– Поворачивай назад, младший лорд, – скомандовал он вместо приветствия.

– С какой стати? – фыркнул я, но остановился. Тропа узкая, напролом не пройти.

Обычно вейриэны не вмешиваются в дела лордов, но с великим домом Грахар все не как у других. Белые воины охраняли и замок, и его хозяев так, словно в их подземельях зарыты все сокровища Белогорья.

– Миледи сейчас не до гостей, – процедил незнакомец.

– Я три часа назад был здесь гостем. Что случилось за это время?

– Ничего такого, о чем ты обязан знать, Дигеро фьерр Этьер.

– Ты меня знаешь? Как же твое имя, вейриэн?

– Таррэ, высший мастер.

Высший? Ну, точно что-то случилось! Высших очень мало, единицы. Хотя точное число никто не знал – у стражей Белогорья свои тайны.

Смотреть в его ледяные, словно мертвые глаза с кровяными жилками на белках и черным ободком вокруг светлой радужки было до жути неприятно, но я не отвел взгляда, вздернул подбородок.

– Пропусти, вейриэн. Мне нужно попрощаться с другом перед отъездом.

Он отрицательно мотнул головой. За его спиной сгустились белые сполохи. Серьезный заслон. Мне стало тревожно. Что там происходит в замке?

Сражаться с вейриэнами, да еще в одиночку – глупее не придумать. Но я тут почти у себя дома. Духи рода Грахар ко мне благосклонны. Были. Сейчас, после ссоры с их будущим лордом Лэйрином – еще не известно.

Видимо, на моем лице отразилась вся решимость, потому что вейриэн, нервно дернув уголком рта, прошипел:

– Если ты не склонен прислушаться к моим словам, то, может быть, слово мастера Рагара имеет для тебя больший вес? Вот и он, кстати, пожаловал, – воин оглянулся на уходившую за скалу тропу.

Как по приглашению, из-за поворота вынырнула фигура черноволосого всадника, приближавшегося на белом косматом коне быстро как ветер. Если бы не перестук копыт по камню, можно было подумать, что он летит.

Рагар резко осадил жеребца, кивнул мне, но обратился к вейриэну:

– Наши опасения оказались справедливыми, Таррэ. Надо усилить оцепление.

Названный что-то буркнул в ответ, обошел меня, неприязненно покосившись, а когда я оглянулся – его и след простыл. И ничего не подсказало, куда и как он исчез. Обычные трюки вейриэнов, но я никогда к такому не привыкну. Если бы я не знал, что в белых воинах течет живая горячая кровь, то мог подумать, что они тоже духи. Но они умирают. Временно, как почти все горцы. Только возрождаются вейриэны без помощи хранителей рода, причем, снова в истинную жизнь. Как именно – величайшая их тайна. Но я слышал, как отец с матерью шептались, что высших стало меньше, чем обычно. Не потому ли, что нет белой королевы?

Угольно-черные глаза мастера Рагара изучающее оглядели меня.

– Что тебе понадобилось в замке Грахар, Дигеро? – сухо спросил он.

– С Лэйрином хотел попрощаться.

– Ты уже попрощался. Довольно и этого.

Мне стало не по себе. Неужели он знает о… ссоре, скажем так?

Белый воин, выглядевший молодо, как мой двадцатипятилетний брат, – хотя я точно знал, что Рагару куда больше лет на самом деле, и он живет уже не первую жизнь, – задумчиво потер гладкий подбородок, прищурился:

– Мой тебе совет, младший лорд, если позволишь…

– С радостью выслушаю, мастер.

– Не бери в голову сумасбродства моего ученика.

Я почувствовал, как меня до корней волос залила краска стыда.

– Которого из них? – мой голос резко охрип.

Рагар был наставником и у Лэйрина, и у Яррена. А вот меня он в ученики не взял, хотя занимался со мной полтора месяца, когда я жил в доме Грахар. Полуинсея Яррена взял, а меня – нет. Мне, что уж тут скрывать, было до сих пор обидно, что воин, которым я восхищался, не счел меня достойным.

– Не делай вид, что ты меня не понял, – усмехнулся Рагар. – И не нервничай так. Я знать не знаю, что сегодня произошло между тобой и Лэйрином в доме Грахар, и, если не хочешь, не говори. У него я тоже не буду спрашивать, даю слово. Но, как наставник, я могу почувствовать изменения в своем ученике, и понять, что он получил какую-то душевную травму. Но она ему во благо, Дигеро. Что бы ты ни сделал, это было правильно. Потому тебе лучше все оставить, как есть, и не пытаться объясниться с Лэйрином. Не сейчас.

– Хорошо, мастер.

– Вот и отлично, – дрогнули в улыбке его губы. – Есть к тебе еще просьба. Так получилось, что у меня уже нет времени сделать все самому. Надо передать в охрану вашей боевой школы вот это послание, – мастер протянул мне небольшой свиток. – Тут приказ лорда Эстебана выпустить Яррена из карцера. Отвезешь?

Я кивнул, забрал свиток.

– Надо успеть до заката, – уточнил Рагар. – Тебе придется обратиться к своему духу-покровителю.

– Сделаю, мастер. Но придется подождать. Когда я уезжал из дома, лорд и леди Этьер только начали церемонию призыва духов. Боюсь, мой покровитель вынужден будет явиться туда на зов.

– Тогда воспользуйся моим конем. Ты с ним немного знаком, он откликается на имя Эльдер, – мастер спешился, а жеребец покосился на меня хитрющим глазом. Я онемел: Эльдером звали снежного ласха, и вид у него был скорее драконий, а не конский. Рагар хлопнул коня по холке. – Да, это и есть наш дракон, любимец Лэйрина. А твой жеребец и сам найдет дорогу обратно.

– Но почему… – начал было я спрашивать, но прикусил язык.

– Почему я не поручил доставить свиток Эльдеру? – проницательно глянул мастер. – Я так и намеревался поступить, если бы ты не попался мне на глаза так вовремя. Видишь ли, стража каземата быстрее поверит знакомому им младшему лорду гор, чем чужаку-ласху. А для разборок времени совсем нет. Да, чуть не забыл. Еще передай моему негодному ученику Яррену, что я обещал с него лично шкуру спустить в наказание. Только на этих условиях его и прощают. И для этой процедуры он должен явиться в… Впрочем, Эльдер его доставит, пусть не надеется спрятаться от меня в каком-то там каземате.

– Передам. Но как же вы без коня, мастер?

– Обижаешь, парень, – одарив меня на прощанье усмешкой, Рагар направился к самому краю тропы над ущельем и таким же размеренным упругим шагом ступил в воздух, словно тропа продолжалась, только становилась невидимой. А через миг хлопнули огромные жемчужные крылья, обдав меня ледяным ветром, в воздухе закружились снежинки, а в вышину поднялся крылатый смерч. Ласх-полукровка Рагар направился к замку Грахар. Зачем он только притворялся и своего ласха использовал как вьючное животное?

– Так и будем тут столбом стоять? – проворчал за спиной жеребец драконьим голосом Эльдера. Я оглянулся, чтобы заметить, как тело коня взвихрилось смерчем и выстрелило длинные снежные крылья, а заодно сменило цвет на

пепельно-голубой, сливавшийся с блеклым небом. Маскировщик. Хорошо еще, узду и седло оставил.

– Что за судьба у меня сегодня лошадиная? – проворчал Эльдер. – Тоже мне, нашли бесплатного извозчика! С тебя бочонок черничного варенья, горец. От него, говорят, у ласхов и зрение улучшается, и ночная маскировка крепнет. А за два бочонка клянусь лететь так быстро, что ты не успеешь окоченеть от холода. И то лишь потому я такой добрый, что ты не безразличен моему другу Лэйрину, а его друзья имеют у меня пожизненную скидку на проезд.

***

Начальник тюремной стражи фье Сорш, судя по богатырскому сложению, крепкой бычьей шее и курчавой шевелюре горца был бастардом захудалого рода, не гнушавшегося внебрачными связями с дальегами. Он сначала побледнел, когда я именем Совета потребовал доставить в караулку отбывающего наказание Яррена. Потом, ознакомившись с содержанием послания от лорда Эстебана, богатырь с облегчением вздохнул, но слегка покраснел, пробасив:

– Дело в том, молодой лорд, что Яррен фьерр Ирдари час назад взят из-под моей стражи.

– Не понял. Освобожден?

– Переведен в штольни.

– Как переведен? – теперь настала моя очередь бледнеть. Штольни – это очень плохо само по себе. Кроме того, в приказе лорда Эстебана говорится только о карцере, а стража штолен – уже другое ведомство. Там могут придраться и потребовать новый приказ. Да и с чего куда-то переводить ученика школы? Он же не преступник! – По чьему распоряжению?

– Лорд Наэриль привез распоряжение о переводе нарушителя, подписанное… где же оно… – охранник пошарил в ящике конторки, нахмурился, и начал выдвигать ящики один за другим и перетряхивать содержимое. – Точно помню,

что там была подпись лорда Хорха.

– И только? – с сарказмом спросил я. Вся эта история начала совсем дурно пахнуть! – По правилам, если приказ исходит не от главы Совета, а от рядовых членов, то должно быть не менее трех подписей.

– Ты, фьерр, не учи меня, – рыкнул богатырь, раздражаясь все больше с каждым новым бесполезно обшаренным ящиком. – Я лучше всяких молокососов знаю правила. Ишь, не успел школьную форму снять, а уже в менторы подался. Мне и приказы с подписями не нужны, чтобы ужесточить наказание за попытку к бегству. А этот инсейский гаденыш…

– Вы забываетесь, фье Сорш! – рявкнул я в сердцах. – Вы говорите о младшем лорде дома Ирдари и… моем друге!

Надеюсь, Яррен не обидится на эту вольность.

Бастард сощурил и без того маленькие глазки:

– Да ну? И давно ли вы стали друзьями? Может, вы сообщники? Не ты ли приложил руку к организации бегства своего дружка, а? Молчишь, благородненький фьерр? Может, ты сам хочешь вместо сообщника своего в карцер загреметь? Я ведь имею право задержать тебя для расследования.

Я едко улыбнулся, но промолчал. Только бастард захудалого рода, ни разу не ходивший тропой духов-покровителей, может не знать, что бессмысленно задерживать настоящего лорда горного дома, пусть даже младшего. Зачем тогда мы духов кормим, если бы нас мог каждый дурак задержать?

Улыбка произвела впечатление. Щека фье Сорша нервно дернулась.

– Только, знаешь ли, нет уже того карцера, – признался он сквозь зубы. – Там стараниями этого… этого… ученичка вашей буйно помешанной школы… стена треснула. И сам он едва не убег, да сознание потерял с натуги, паршивец. А порча имущества Совета – подсудное дело.

Я восхитился. Разбить скалу! Трудно даже представить такую мощь. Но зачем это понадобилось Яррену?

– В какую штольню его перевели?

– В Адову Пасть.

Вот уж засунули. Глубже ее – только Преисподняя из мифов айров. Как оттуда его выцарапать? С начальником стражи, скрывающим за грубостью явную растерянность, совсем ссориться не хотелось.

Что бы на моем сделал месте Яррен?

Он был на два года старше всей группы, и на голову выше в мастерстве и учении. Еще бы, с таким-то наставником. Но его наши не любили не за это, и не за проскальзывавшую снисходительность к нам, а из-за его наполовину инсейскую кровь. Инсеи – враги Белых гор, вторые после Темной страны. Все попытки примирения провалились. Впрочем, существование Яррена – как раз результат такой попытки.

Как бы он поступил сейчас? Уж он-то, изворотливый зеленый маг, способный быть и прямым, как водяной таран, и хитроумным, как извилистый ручей, что-нибудь обязательно придумал бы. Как-то же умудрился он разрушить скалу, в которой были выдолблены мешки карцеров.

А еще я почему-то снова вспомнил о крон-принце. Вот уж кого наверняка обучали тонкостям дипломатии и находчивости в любых ситуациях. И, судя по тому, что Лэйрин умудрялся всегда добиваться своего, обучали хорошо. Еще бы, будущий король. Жаль, что младших лордов не посвящают в такие науки. Нас больше готовят как воинов для защиты родовых гнезд.

Стоило вспомнить, решение пришло сразу.

– Послушай, фье Сорш, – я постарался сделать голос проникновенным и одновременно убедительным, как у нашего ментора по риторике. – Ты не посмеешь меня задержать, потому что я сейчас исполняю поручение Совета, а ты, похоже, не такой дурак, чтобы попадаться на превышении должностных

полномочий. Ты сейчас подумываешь, как бы избавить себя от головной боли из-за Яррена. Потому что распоряжение, привезенное Наэрилем – липовое, ты им воспользовался, чтобы самому не пачкать руки и не ссориться с домом Ирдари. Но лорд Наэриль крупно тебя подставил – выкрал липовый приказ, потому ты и не можешь найти ту бумажку. Так ведь?

– Ерунду городишь, – осторожно ответил начальник стражи.

– Я предлагаю тебе выход. Напиши просьбу к начальнику штольни выручить тебя. А на обороте приказа главы Совета напиши распоряжение об освобождени Яррена из-под стражи. Не о переводе, а об освобождении. И мы замнем это дело. А стена… свали все на Эльдера, я с ним расплачусь.

– На какого еще Эльдера? – заинтересованно блеснули бусинки глаз бастарда.

– Снежного дьявола, точнее, дракона. Он – порученец высшего мастера Рагара и, кстати, уже изнывает за дверью от безделья. Ему вполне может придти в голову проморозить камень, а потом полить его для эксперимента огнем. Он же дракон, – совсем по-инсейски разыгралось мое воображение. – И никакая стена не выдержит такого хамского обращения. Несчастный случай.

Про поручение Совета я приврал. Не захотел пугать стража грозным именем Рагара, хватит и напоминания о его ручном дьяволе. Тут главное не передавить, а то Сорш вспомнит, что вейриэны никогда не вмешиваются в дела лордов.

– Ну, ты даешь, парень. Вы там в школе все фантазеры ненормальные, – фыркнул богатырь и, почесав в раздумье кучерявую голову, принялся писать под мою диктовку.

Вот так, мой принц, с крохотной лжи я начал падение, уронившее меня глубже даже Адовой Пасти.

Глава 3. Узел судьбы

Неота висела в неразличимой дымке. Ей было легко и спокойно, словно жизнь уже позади. Только самая легкая тревога червячком вгрызалась в сердце. Словно она что-то где-то забыла, а что – не могла вспомнить.

«Возвращайся, девочка моя», – нашел ее голос отца. Звучал он глухо, на пределе слышимости, словно из немыслимого далека.

Она не ответила.

Висеть в серой хмари небытия не надоест столетиями, казалось ей. Нигде ничего не жмет, не трет, тела нет, кормить не надо… И за Дигеро присмотреть можно.

Если его хранитель еще позволит.

Она ощущала рядом присутствие чужого духа – хранителя кареглазого младшего лорда, но хранитель, не чувствуя вреда от неопытной девичьей души, не прогонял, не вступал в разговор, но и не отступал, неотрывно наблюдая. И еще неота какими-то фибрами улавливала его снисходительную усмешку.

Дух развлекался.

Он преградил ей путь лишь в тот момент, когда душа неоты вознамерилась последовать за Эльдером и его всадником.

Словно глыба выросла и вытеснила неоту из мира в серую хмарь. Где она и висела маленькую вечность, впав в сонное оцепенение. И снился ей стремительный полет между горными вершинами и чужой разговор. Она его не слышала, строго говоря, она его вбирала в себя, как фосфор вбирает солнечный свет, чтобы долго потом излучать воспоминания.

«Может, хотя бы теперь признаешься, почему ты выбрала именно Дигеро?» – ввинтился в ее мысли настойчивый голос отца.

«Да не влюбилась я, ты не понимаешь! – обиделась неота, стараясь не обращать внимание на отцовский ехидный смешок. – Мать сказала, что я должна развязать узел судьбы, иначе ни мне жизни не будет, ни Дигеро».

«Даже так? Что простая синтка может знать об узлах судьбы?»

«Она не простая. Ведь ты за что-то ее полюбил? Даже в халайру ввел и делился своей силой, пока… пока не умер. Она рассказывала. Но ты помнишь ее совсем другой, папа. Она стала жрицей синтского храма, а у них многое забирается, но и открывается им много. Ох, прости…».

В голосе духа прозвучала горечь, когда он ответил минуту спустя:

«Это я не смог ее защитить… Только я, девочка. Так что там с узлом?»

«Он завязался двенадцать лет назад, когда Дигеро фьерр Этьер пытался помочь мне. Помнишь, я бежала в детстве и случайно провалилась в трещину, а духи рода Этьер не дали разбиться и притащили меня к главе рода? Старший лорд Этьер был тогда еще и главой Совета. Дигеро и его брат как раз сидели в кабинете лорда-риэна, когда меня доставили на суд. Только Дигеро и заступился, просил не возвращать в подземный храм, спрятать. И даже был наказан за то, что посмел перечить воле главы Совета. А меня все равно выгнали из его дома».

«И почему ты решила, что та встреча… хм… завязала узел?».

«Это мама так решила. Признаки есть. Ведь «узел судьбы» – это дурная бесконечность повторений, как два зеркала поставить друг против друга. При второй встрече уже я выгнала Дигеро из своего дома, если так можно назвать наш храм. Он пришел за старшим братом, а тот как раз уединился с одной из девушек. И наша главная жрица задумала нехорошее. Она же сумасшедшая, а тут юный хорошенький горец без дела слоняется, на синток не смотрит… и она велела мне зажечь дурманные свечи. Ее изобретение. Она делает фитиль из грибницы, пропитанной маслом, секрет которого я так и не узнала, и зажигает, когда нужно одурманить горных магов, чтобы их связь с духами рода ослабла. Я же тебе рассказывала о нем».

«Я помню этот твой бесценный рассказ. Мы выяснили состав. Непонятно только, откуда его узнала Саэтхиль и где берет редкие ингридиенты. Теперь все риэны предупреждены, и принимают противоядие, прежде чем спуститься в синтские Лепестки».

«Тогда они хорошо притворяются, потому что никто из наших не заподозрил, – фыркнула девушка. – Я сделала вид, что перепутала свечные ящики, и взяла жутко вонючие, которыми травят грызунов в штольнях. Дигеро вылетел из храма как пробка из бутылки! И все гости храма за ним, кое-кто и без штанов выскочил», – неота рассмеялась, вспомнив давний переполох.

«Это после того случая тебя посадили на цепь в змеиной яме?»

«На две бесконечные недели. Мама ничего не смогла сделать: с главной жрицей не поспоришь. А Саэтхиль рада бы убить меня, но боится мести вейриэнов».

«Мы не мстим, солнышко, мы справедливо наказываем, – мягко-мягко сказал отец, но дал почувствовать такую мощь, что неота содрогнулась. – Но подумаешь, ты спасла младшего лорда от позора…»

«Ты ничего не понимаешь в наших делах, вейриэн! – мысленно проворчала неота и снова рассмеялась. – Любая синтка сказала бы тебе, что это божественный знак, потому что ситуация зеркально отразилась в Чаше Цветка. Ведь получилось, что я выплатила долг перед Дигеро полностью, тоже заступилась за него и была наказана, но я его спасла, а он меня – нет. Значит, будет третий раз, и боги либо затянут узел судьбы еще сильнее, до боли, либо сочтут, что равновесие достигнуто, и распустят».

«И что тогда?»

Если бы у души было тело, неота пожала бы плечами.

«Тогда наша воля будет не замутнена прошлым. Забудем о существовании друг друга. Точнее, я забуду, а он обо мне и не помнит. Поэтому я просто жду третьей встречи. И, папа, даже если Дигеро мне нравится, как мужчина, это не имеет значения. Кто он, и кто я!».

«Ну знаешь… Ты – моя дочь, а я – вейриэн».

«Если я твоя дочь, почему ты до сих пор не дал мне имени? Ты же знал традиции синтов: имя можно получить только от отца, или от мужа, пусть даже временного, как хочет Охимэ, или услышать в Чаше во время посвящения в

жрицы. Точнее, во время оргии.»

«Десять тысяч раз я тебе уже объяснял, милая. Я умер раньше твоего рождения, а традиции синтов…»

«Ненавижу их!»

«Даже если. Вейриэны не вмешиваются в традиции горных народов».

«Да-да, конечно, десять тысяч раз уже слышала, – фыркнула неота. – Ты не можешь вернуться ко мне и матери, потому что мертв. Ты не можешь дать мне имени, потому что мертв. Ты не можешь забрать меня из поганого подземного храма, потому что мертв. Ты не можешь ничего!»

«Ты не справедлива, – голос стал печальным, как осенние листья под дождем. – Разве я не учу тебя? Не помогаю советами? Не защищаю, как могу?»

«В синтских храмах ты бессилен, а обижают меня именно там, – напомнила неблагодарная. – Ты учишь меня, но что толку, если я – синтская рабыня, а не вериэнка?!»

«Правильно говорить – вейриэнна, – терпеливо поправил ее собеседник. – Ты станешь ею, если будешь меня слушаться так же хорошо, как до сих пор. Потому – возвращайся».

Душа неоты дрогнула лишь на миг.

И в то же мгновение налетевший ураган развеял серую хмарь. В глаза ворвался ослепительный свет, а девушка стала стремительно падать…

***

Головокружительное падение так резко прекратилось, что внутри всё перевернулось, и неоту едва не вырвало. Она судорожно закашлялась, вдохнула сухой морозный воздух. Казалось, даже легкие протестующе заскрипели, расправляясь.

– Вернулась, наконец. Ну вот и отлично! – раздался над ухом незнакомый мужской голос.

Чья-то широкая мозолистая рука легла на лоб Безымянной, и ее глаза заслезились от яркого света, проникшего даже сквозь закрытые веки. Сразу же сжался ошейник, пока еще не смертельной удавкой, но горло засаднило. Свет мгновенно схлынул, оставив плавать под веками алые пульсирующие пятна.

– Подожди пока уходить так далеко и надолго. Тебе еще учиться и учиться, девочка.

Голос говорившего очень походил на отцовский, но у духов не бывает мозолей.

Как ни хотелось неоте досмотреть сон про Дигеро, но любопытство возобладало. Она открыла глаза и встретилась взглядом с незнакомцем, одетым в вейриэнский костюм, состоявший из свободных холщовых штанов и рубахи с длинными рукавами и разрезом на вороте. Дополняла скромный наряд перевязь с гнездами для сельтов и пояс с кинжальными ножнами. Для торжественных церемоний к легкому костюму добавлялся плащ – не для защиты от непогоды и холода, а только по традиции, тянувшейся из глубин веков.

У этого воина плащ был украшен вышивкой с незнакомыми гербами горного дома. Такого неота еще не видела – чтобы страж Белогорья сохранил регалии прежней жизни.

– Меня зовут Таррэ, – сообщил мужчина. – Я вейриэн. И скажи спасибо, что я был рядом в долине Лета и успел тебя перехватить, пока ты не разбила свою красивую, но совершенно пустую голову. Грэмир вовремя меня позвал.

– Спасибо, – прошептала Безымянная, приподнимаясь на локте и изучая его странное лицо – жесткое, угловатое, с глубокими брезгливыми складками у губ, прямым носом и очень светлыми холодными глазами. Волосы вейриэна, перехваченные хитро завязанным шнуром, были угольно-черными, с седой прядью у виска. На вид ему было лет сорок, но отец предупреждал неоту, что внешность белых воинов ничего не значит. Она могла скрывать и столетних, и даже тысячелетних существ.

Таррэ. Неужели тот самый, о котором в ее видении писал Дигеро?

Затем она обратила внимание на помещение, если так можно назвать обычную пещеру. Скорее всего, ту самую, о которой говорил отец. Неота лежала на собственной меховой накидке, укрытая одной полой. Девушка, подтянув колени, поднялась. Голова ее слегка закружилась, но вейриэн поддержал ее за локоть. Поднял накидку, встряхнул и небрежно накинул на ее плечи.

– Долго я была без сознания?

– Я успел сделать кучу дел, пока ты решала, жить или бездарно умереть, – вейриэн досадливо поморщился и потеребил седую прядь. – Интересно, почему ты решила вернуться, спарка?

Она пожала плечом, поправила сползший с него плащ. Знать бы самой, что ее вернуло. Может быть, ощущение опасности, грозившей ее кареглазой мечте?

– Присядь, поговорим, – Таррэ кивнул на небольшой сталагмит со срубленной вершиной. Такой же служил ему стулом. – Глупо кончать жизнь самоубийством из-за какого-то прыщавого юнца.

– Я случайно оступилась. А Дигеро не прыщавый! – обиделась девушка.

– Его прыщи невидимы, но именно такие всегда имеются у любого подростка.

– Он не подросток! – возмутилась неота. – Ему уже восемнадцать, и в этом году он признан лучшим из выпускников воинской школы риэнов!

– Ты еще подерись со мной, защищая своего героя, спарка, – неожиданно добродушно усмехнулся Таррэ, а у глаз появились лукавые лапки морщинок. – Грэмир просил меня присмотреть за тобой и стать твоим учителем до его возвращения. Я не смог отказать боевому товарищу, хотя мне эта идея не слишком по душе. Я не привык возиться с сопливыми девчонками. Вы все истерички.

– Ну так не возитесь. Меня папа обучает, и я не хочу другого учителя, – неота с трудом совладала с душевной бурей, вызванной походя брошенным

оскорблением, чтобы не давать повода этому неприятному типу сказать «ну вот видишь, я же говорил – истеричка».

– Тебя уже поздновато обучать. Воином ты не станешь, но стражи – это не только воины, в халайре есть и другая служба. Читать умеешь?

– Да. Отец учил. И писать на двух языках – верхнем и древнем.

– Верхнем! – фыркнул белоглазый.

– На языке риэн, – поправилась Безымянная. – Я знаю, что на поверхности много разных языков, и все они – из одного источника, потому очень близки, кроме языка темных. Еще я знаю первичный раздел математики, начертательную геометрию и учение о разумных и неразумных формах, существующих в Эальре. Правда, из последнего – только разделы, касающиеся Белых гор, равнинного королевства, инсейских морских царств и немного северных.

– Неплохо для неграмотных подгорных рабынь, – одобрил вейриэн. – И речь у тебя правильная, без синтских украшательств. А что с магией?

– Отец рассказывал теорию, но… зачем, если я – не риэнна? Я могу стать воином, но магом – никогда!

– Воином? – издевательски хохотнул вейриэн, смерив ее взглядом. – Да уж… из тебя воин, как меч из подушки. Если ты и станешь кем-то, то воином духа, а это совсем другое. Для воинов духа оружием служит не сталь, а разум и воля. Вот этот потенциал я в тебе вижу, его можно было бы развить но все портит твоя дурная бабская сущность. Потому в нашей халайре так мало вейриэнн, что бабы постоянно влюбляются в каких-нибудь сосунков и ходят потом пузатые. Вот и весь воин.

Безымянная вспыхнула от смущения и негодования. А белоглазый невозмутимо продолжил:

– Запомни: не бывает напрасных знаний. Если тебе говорят, что ты должна изучать теорию магии, значит надо изучать. Если я возьму тебя ученицей, ты должна беспрекословно слушаться, или наказание будет суровым, я не

посмотрю, девка ты или нет.

– Знания мне и отец может дать! – выпалила неота и упрямо сжала губы. Этот вейриэн был слишком колюч. Не хватит ли ей уже издёвок, чтобы соглашаться еще на одну пытку?

– Грэмир – простой воин, а не мастер. Кроме того, теория – это прекрасно, но она проверяется на практике, а для практики нужен не только духовный контроль, но и телесный. Чтобы ты не оказалась однажды на дне ущелья. Сама понимаешь, потеря сознания оборвала твою связь с отцом, и ты бы погибла. Того, что случилось сегодня, не должно повториться. Вейриэн не теряет сознание ни при каких обстоятельствах, даже после смерти. Не всегда кто-то из нас может вовремя прийти на помощь, потому ты должна уметь защищаться сама. А для этого нужен живой наставник. Можешь спросить у Грэмира.

«Папа, это так?» – послушалась Безымянная хорошего совета.

«Он прав. Моей помощи уже недостаточно, дочка. А мастер Таррэ, хоть и строг, но справедлив. Он – высший вейриэн, и его обучение – совсем другого уровня. Соглашайся».

– Но я не смогу… – неота коснулась пальцем ошейника.

– Да, это серьезное препятствие, – кивнул Таррэ. – Ты принадлежишь храму, а право собственности священно у синтов. Они так просто не отпустят свою жертву, у них на тебя другие планы. Особенно, у старой карги Саэтхиль. Я уже немного в курсе ситуации.

Неота недоверчиво взглянула на его нахмуренное лицо. И когда у высшего мастера, только что вернувшегося в горы, нашлось время, чтобы вникнуть в ее ситуацию? А главное – зачем?

– Твой отец просветил, – пояснил он и без того очевидное. Кто же еще. – Саэтхиль ненавидит тебя, но даже своим скорбным умишком понимает, что красивая рабыня может принести целое состояние их так называемым храмам. Дело даже не в твоей красоте, взявшей лучшее от двух горных народов. Подземные жители, с их взлелеянным тысячелетиями и спрятанным на самое дно их змеиных ям тщеславием, будут с особым удовольствием покупать на ночь

дочь вейриэна. Им это будет льстить. Они и сейчас унижают тебя почти со сладострастием, насколько я смог выяснить, хотя еще не могут заставить выполнять все их прихоти, пока ты не жрица, как твоя несчастная мать.

Неота отвернулась, закусив губу. Ей нечего было возразить. Вейриэн с льдистыми глазами совершенно прав: именно такая участь ждет Безумянную. Или еще хуже – стать кормом для ушайд. Лучше уж прыгнуть в пропасть.

– Я одного не понимаю, почему ты до сих пор не сделала ничего, чтобы получить это злосчастное имя, если для свободы требуется всего лишь переспать с любым, кто этого захочет?

Девушка вспыхнула, чувствуя, как краска залила лицо и даже шею.

– Не с любым. Имя может дать только муж во время обряда.

– И? Насколько я знаю, у синтов практикуется временный брак, и никто не видит в этом ничего зазорного. Не поверю, что желающих не было.

– Не было. Я – вещь, мастер вейриэн, – очень тихо сказала Безымянная. – Кто же женится на вещи? А наложницей какого-нибудь синтского червя я не стану! Противно!

Таррэ смотрел со спокойным интересом, но недовольная складка в уголке губ стала глубже.

– Но ошейник бы с тебя сняли бы, так? То есть, выполнять приказы безумной старухи, терпеть унижения, доедать объедки после жриц, ухаживать за ушайдами и собирать с них слизь и отмывать сброшенные змеиные шкуры тебе менее противно?

– Да!

– Подумай, спарка, если ты не готова отдать жизнь за свободу, и даже пожертвовать такой мелочью, как тело, то, может, свобода не так тебе и нужна? – вкрадчиво спросил вейриэн. – Все, что происходит с телом – неважно. Важно то, что происходит с духом.

Она молчала. Ему бы в змеиной яме посидеть недельку, тогда он понял бы, что иногда всё, что остается от человека – это страдание и мысль, чтобы оно кончилось.

Таррэ досадливо потеребил себя за белую прядь.

– Сейчас твоя цель – прийти в халайру свободной сущностью и обрести саму себя. Стать одной из нас.

Вот и отец ей так говорил. Но ее ли это цель?

– Для вейриэна тело – как одежда, – продолжил белоглазый. – Это шелуха. Оболочка. Разумеется, она должна быть крепкой и здоровой, чтобы выдержать созревающий в ней дух. Но цепляться за предрассудки по поводу тела, за удобства для тела – все равно что положить жизнь, начищая пуговицы на платье. Ты снимешь его и наденешь другое, когда переродишься. Ты проделаешь это сотни раз, если станешь вейриэной. Тело – лишь инструмент по преобразованию этого мира. Такой же, как камень в руке.

– А честь? – ей хотелось плакать, но она решила, что много удовольствия этому… змеиноглазому.

Таррэ презрительно фыркнул.

– Честь? Честь – не бог, чтобы на нее молиться. Честь – это чистота, дитя. Не больше, но и не меньше. А что тебя пачкает – решаешь ты сама, а не мир. И еще запомни: чем выше цель, тем тяжелее жертва. Да толку тебе сейчас это объяснять… Если бы твоя глупая мать не ушла к своим родичам после гибели своего мужа, ты бы уже была вейриэнной. И еще… станешь ты моей ученицей или нет, но ради твоего отца я найду способ вытащить тебя из храмовой ловушки.

– Почему не сейчас? – взвилась неота. – Почему не сказать всем, что я разбилась?

Таррэ отрицательно качнул головой, дотронулся до ее ошейника и тут же брезгливо отдернул пальцы.

– Вот поэтому. Та тварь, что надела эту гадость на тебя, через него чувствует биение твоей жизни. Она может следить за тобой. Ваша главная жрица отлично ладит с ушайдами, а змеи – древние полумагические творения, потому у их яда, слизи и кожи так много необычных свойств.

– Но синты не маги! – удивилась неота.

– Не маги, но великие мастера. Они живут в симбиозе с белыми магами уже тысячелетия, и какие-то отсветы магического пламени научились улавливать в свои зелья и амулеты. У Белогорья тысячелетний договор с синтами, и мы, стражи гор, наблюдаем за его неукоснительным исполнением с обеих сторон. Разве мы можем сами его нарушать? Мы можем хитрить с подгорным народом, обыгрывать их в интригах, но не лгать. Иначе «кровь недр» взбунтуется и подточит нашу землю изнутри. В мире очень много сил, которые желают этого. Не просто желают, но подталкивают, вбивают клин, сеют раздор. Разве мы могли оставить тебя в беде, если бы была хоть какая-то законная возможность вытащить тебя, спарка?

Сердце неоты сжалось от безнадежности. Тогда точно ей путь в пропасть. Вейриэн заметил ее уныние.

– Не грусти. Я тебе обещал, а я всегда выполняю свои обещания. Меня долго не было в Белых горах, а мои братья могли не увидеть такие крохотные трещинки возможностей, какие научился видеть я за десятилетия моей жизни в Северной империи. Вот уж где змеиное гнездо, девочка, куда там синтским ушайдам. А через трещинку можно не только маленькую спарку, но и дракона вытащить…

Неота хмыкнула. Такой «дракон», как ласх Эльдер и сам в любую щель пролезет, притворившись метелью или обычным сквозняком. Видела она, как ласх играл со вторым учеником мастара Рагара, Ярреном: просто рассыпался под всадником снежным крошевом и подхватывал кувыркающегося парня над самой землей. И неота тщетно ждала, когда же Яррен воспользуется тропой духов, чтобы спастись. Жуткая игра.

– Возьми, – Таррэ вложил в ее ладошку прозрачную горошину с радужной искрой внутри. – Это северный амулет. Ты сможешь позвать меня на помощь отовсюду, даже из синтского храма, где прерывается твоя связь с Грэмиром. Нужно раздавить горошину любым способом, хоть разгрызть, и твоя беззвучная просьба

найдет меня везде, где бы я ни был. И я приду. Хотя бы для того, чтобы вытащить из пропасти твои переломанные кости и похоронить.

Она поежилась под его насмешливым льдистым взглядом. Неужели подслушал? О том, что отец мог слышать ее мысли, она уже знала, и к этой неприятности привыкла. Но вот чтобы какой-то чужак копался в ее голове? Бррр.

– Твои мечты о полете над пропастью нарисованы у тебя на лбу, спарка, – совсем развеселился Таррэ. Но затем стер улыбку, заявив совершенно серьезно: – Может, и научишься когда-нибудь летать не камнем, а птицей. Никто из магов не рождается крылатым.

И, отчего-то окончательно помрачнев, белый воин повернулся к ней спиной и, сделав лишь шаг по направлению к выходу, исчез, не попрощавшись.

– Но я не маг, – запоздало прошептала девушка.

Вздохнув, неота направилась не наружу, а вглубь пещеры. Этот путь, ведущий в подземные сети синтов и, в конечном итоге, в храм Чаши, был короче, но намного неприятнее, чем серпантин снаружи.

***

Чтобы покинуть территорию верхних горцев, неоте пришлось по подсказке невидимых духов-хранителей идти довольно долго вниз по подземным переходам, забирая к востоку, в сторону горы Ассияшт.

Наконец, стражи распахнули перед ней железную дверь яруса, за которой начинались владения синтов. Условные владения, конечно, потому что владыками Белых гор были риэны, давным давно победившие не только синтов, но даже смерть.

Встретили ее, как обычно, тепло.

– А, опять ты, моль синюшная! Что так долго? – с той стороны ворот фыркнул один из синтских стражников, считавшийся высоким и сильным, но не

достававший ей даже до уха. Безбородое лицо синта было обезображено новомодным носовым кольцом с янтарем – иноземным камнем, не встречавшимся в горах, и потому бесценным. Он зажал нос: – Фу, гадость! Вся провоняла верхними запахами!

Если бы кто-то из верхних горцев услышал его речи, то никогда бы не поверил, потому что с вейриэнами, риэнами и их слугами синты изъяснялись исключительно высоким поэтическим языком, перенасыщенным метафорами, намеками, образами и прочими украшательствами. Это был внешний язык, специально для чужаков. На внутреннем, как несложно догадаться, синты говорили только между собой. Чем ниже ранг собеседника, тем проще речь. Неота слышала за свою жизнь только ругательства.

Не от всех. Были и умные, и доброжелательные синты, не обращавшие внимания на спесь сородичей.

Второй стражник, еще меньше росточком, но с широченными плечами и крепкими руками, выдававшими подземную кровь чужих гор, оглядел ее с головы до ног, нахмурился, заметив покрасневшее и припухшее горло. Спросил сочувственно:

– Что с тобой случилось? У всех ворот уже охрана оповещена, что ты снова бежать собралась, если уже не сбежала. Ищут тебя.

– Кто ищет?

– Главная ваша ищет. Приказала к ней явиться сразу. А тебе к лекарю бы надо.

Главная. Плохо. Что Отраженной Саэтхиль от нее понадобилось?

– Что ты со змеиным огрызком любезничаешь, Итиан! – взъярился первый стражник. – Не боишься, что невеста твоя узнает, какой падали ты глазки строишь, а на нее смотреть не хочешь?

Итиан вздохнул и отвернулся в сторону, брезгливо поморщившись. Неота знала, что молодой синт терпеть не мог будущую жену, но его, носителя обновленной подгорной крови, обручили еще младенцем с третьей дочерью вождя

Семицветного Лепестка.

Неота, сгорбившись и низко опустив голову, чтобы ни с кем не встретиться взглядами, засеменила на храмовый ярус, где была арка Семицветная, чье имя и позаимствовал поселившийся в Лепестке синтский род. А оттуда – один шаг до «родного» Бирюзового Лепестка и собачьей подстилки у входа в храм.

Или все-таки отправиться в «Адову Пасть», в главный храм, раз уж сама Саэтхиль ее ищет? Интересно, зачем?

***

Через час неота стояла на узком карнизе, прижавшись к холодному камню пещеры.

Внизу чернела глубокая яма, наполненная копошащимися змеями. Молодыми и голодными ушайдами. Их пока еще небольшие белесые тела, светившиеся в темноте, свивались в клубки, строили живые лестницы в попытке дотянуться до человеческого тела с теплой кровью и распадались, так и не взобравшись по отвесной стене, отполированной их же телами.

Повезло, что их недавно накормили до отвала, и змеиные атаки были вялыми, скорее игривыми, чем охотничьими, иначе бы они и на такой высоте достали, потому что сетка, обычно закрывающая логово, была снята.

И еще повезло, что ушайды пока молчали, и никто, кроме них, не заметил вторжения в святилище. Змеи шипели только в драках, когда атаковали врага, или от испуга. Драться тут не с кем, а слабую синтку можно не бояться, у нее ни жреческого топорика, ни кинжала нет на поясе.

Девушка старалась не смотреть вниз и дышать через маску неглубоко, чтобы ядовитые испарения, поднимавшиеся из логова змей, не слишком быстро затуманили разум. Маску тоже нельзя носить больше часа, иначе она начнет прирастать к незащищенной коже.

Но другого способа проникнуть в тайны Саэтхиль у девушки не было.

Только в этом месте в массивной задней стене личной кельи главной жрицы была небольшая трещинка. Оставалось только просунуть в щелку полую трубку с веером тончайших металлических листьев на конце, скрепленных таким образом, что при повороте кольца они расходились воронкой – лучший способ для подслушивания сквозь стены, подсказанный духом погибшего отца неоты. Трубку ей подарили горы в один из дней, когда Безымянной разрешалось подняться на поверхность.

Отец показал, где вейриэны оставили для нее инструмент. Он часто показывал ей такие вещи, о которых девушка не могла никому рассказать, даже матери-жрице. Никто не должен знать, что вейриэн Грэмир с ней разговаривает.

Впрочем, считалось, что матери у неоты тоже нет. Неота – ничто. Ей даже еда не положена, она могла съесть только то, что отскребет от котелков после того, как поест последний из презренных обитателей подземного храма. Или найдет на поверхности в щедрых лесах и озерах горных долин.

При воспоминании о еде в животе громко заурчало. Так громко, что девушка испугалась, как бы не услышали собравшиеся в келье собеседники.

Напрасно боялась: за стеной разгорался ссора.

Спорили тихо, но яростно, и по меньшей мере трое. Голос двух участников она знала: ее родной матери Онриль и главной синтской жрицы – полубезумной старухи со странным именем Отраженная Саэтхиль.

А вот третий голос, принадлежавший мужчине, был ей незнаком, но Безымянная без сомнений отнесла его к благородным лордам-риэнам, хозяевам Белых гор. Для подземных жителей, обладавших мелодичными и нежными голосами, у него был слишком грубый и резкий тембр.

– Ты всего лишь жрица, Онриль, мне не нужно твое согласие, чтобы взять твою дочь! – рычал взбешенный мужчина.

– Господин прав, я всего лишь жрица, но моя дочь – нет!

– Не забывайся, – перебил ее дребезжащий старушечий голос Саэтхиль. – Девчонка должна отрабатывать свою пищу, как все жрицы.

– Как все жрицы? – язвительно переспросила Онриль. – Может, кто-то видел ее хоть раз в нашей трапезной? Тогда почему никто не взялся ее обучать нашим тайнам? Почему на ее поясе не висит жезл синтэ с бутоном эутаа? А самое главное – почему Чаша Цветка не дала ей имени? Или ты его услышала, саэтхиль, и никому не сказала? Ты же у нас главная, должна была услышать. А если Чаша не приняла девочку, то она не может считаться дочерью храма, и нет над ней ничьей власти, кроме материнской! А свое согласие я не дам! – торжественным певучим тоном завершила Онриль.

Девушка, продолжая прислушиваться через слуховую трубку, смахнула предплечьем проступивший на лбу пот, покосилась на кишевшую белесыми телами яму: нельзя было оставлять змей без внимания. Твари угомонились, словно уснули. И неота снова приникла к щели.

– Это так, Саэтхиль? – спросил мужчина.

– Не так! – прошипела старуха. – Неота – вещь храма, а вещи не имеют ни имени, ни желаний. Онриль давно внесла эту вещь в качестве первичного взноса, чтобы войти в круг жриц.

Что она говорит такое? – ужаснулась Безымянная. Но потрясения не закончились.

– Я покупаю у вас эту вещь по высокой цене, – заявил мужчина. – Кроме оговоренной суммы, я готов дать ей имя и взять младшей женой.

Обе жрицы изумленно помолчали, потом Онриль пришла в себя:

– Но высокие лорды женятся только на леди-риэнне, а многоженство у вас не практикуется, сиятельный.

Лорд! – сжалось сердце неоты. Это даже не глава ювелирного дома одного из многочисленных синтских родов, который положил на нее глаз. Это гораздо хуже! С лордом-риэном Отраженная Саэтхиль предпочтет договориться. Никто

не может перечить горным магам.

– Зато у вас оно процветает, – мерзенько хохотнул маг. – Я женюсь по вашим обычаям, синтка. С соблюдением всех ваших ритуалов, если девчонка – именно та, кого я ищу, и на кого мне указал… дух.

От Безымянной не ускользнула заминка в голосе мужчины, и тревожное предчувствие поселилось в груди. Что имеет в виду чужак? Кого он ищет? И зачем?

– По нашим обычаям? – затаив дыхание, переспросила Онриль. – Но… Такого никогда не было. Никогда. Чтобы высокий лорд пусть даже временно, но назвал перед богами женой синтку-полукровку?

– Я неясно сказал, жрица? А после за развод и ваше молчание я заплачу отдельно, и девка вернется в твои паучьи лапки. Но я должен сначала увидеть и испытать девчонку, чтобы не ошибиться.

– Это лишнее, – проворчала старуха Саэтхиль. – Другой дочери от ветра ущелий и крови недр у нас нет. А по обычаям чужак не может видеть никого, кроме жриц Чаши.

– К демонам обычаи. Если бы никто не мог видеть маленьких беленьких синточек, то как бы появилась на свет ваша Безымянная? – хохотнул риэн. – Соглашайся, Онриль, пока я готов заплатить за твою никчемную девку. Иначе мои духи просто выследят ее на поверхности и похитят, и ты останешься ни с чем. И плевать на закон и договор. Никто ничего не докажет. Видишь я даже не скрываю своих планов. Мне нужна эта девка.

– Если бы ты мог, сиятельный лед вершин, ты бы давно так сделал, – тихо ответила мать неоты. – Но на поверхности мою девочку защищают духовные братья моего погибшего мужа, и все твои родовые духи – ничто против стража Белогорья.

– Не забывайся, жрица! – разозлился чужак. – Видят предки, я хотел сделать все чисто.

– Ступай уже, Онриль, – проскрипела Саэтхиль. – Если этот лед начнет кипеть, он затопит все наши норы. А твоя неота, чую, где-то неподалеку.

Безымянная услышала легкие удаляющиеся шаги и уловила стук закрывшейся двери. Ммать отправилась на поиски. Но, пока сама Саэтхиль не отправилась за ней, можно не беспокоиться.

– А твои молоденькие жрицы сделают мое ожидание приятным. Не так ли, Саэтхиль? – с предвкушающей вкрадчивостью спросил чужак. – Есть у тебя кто-нибудь свеженький? Позови!

– Сиятельный господин, позвать не сложно, но, может быть, в этот раз твое терпение окажется сильнее твоей жажды? Ты хочешь, чтобы твоя будущая жена с первого мгновения поняла, что ее ждет?

– Не мели ерунды, старуха, – голос мужчины стал совсем грубым. – Какая из нее жена? Мы оба знаем, что это пустое слово. Ее ждет роль подстилки и кожаного мешка для вынашивания… моего ребенка, – опять легкая заминка давала понять, что мужчина лгал. – Что в вас хорошо, так это непереносимость солнечного света: и захочет – не сбежит.

– Эта безымянная зряча там, где слепнет кровь гор.

– Оставь, ведьма, свои иносказания для тупых куриц, которыми управляешь. Говори нормально, моим языком. Ты хочешь сказать, в отличие от чистокровных синтов, ваша полукровка не слепнет и не покрывается ожогами?

– Именно так. Разве ты не слышал о ней? Неота довольно часто бывает наверху.

– Тем хуже для нее. Но если ты мне солгала, ведьма, ты умрешь в таких муках, что тебе и не снились.

– Я знаю, как выглядит моя смерть. Я видела его лицо, и этот горец будет твоей платой за мою помощь, сиятельный. Отдай мне жизнь Яррена из дома Ирдари, и мы в расчете. Жизнь за жизнь.

– Что?! – завопил чужак. – Да ты… Ты соображаешь, о ком говоришь? Если бы я не знал, что ты давно рехнулась, решил бы, что ты сошла с ума. Он – младший лорд и под охраной духов. Мало того, он – ученик высшего мастера Рагара. Ты хочешь войны между моим домом и вейриэнами? Да они сотрут меня и весь мой род в порошок от начала и до конца веков!

– Высшего мастера уже этой ночью не будет в горах. Я видела в Чаше его отъезд. Он уедет с наследником огненного короля и оставит здесь второго ученика. Я видела, как горы охватывает небывалое пламя. Ты удивишься его цвету.

– О чем ты болтаешь, ведьма?

Но на старуху уже накатил приступ безумия. Неота прекрасно знала, что длиться он может часами.

– Грядут великие перемены, сиятельный. Всё может случиться. Могут и горы перевернуться, и тогда наверх поднимутся неведомые прежде силы. Ты можешь им послужить, а можешь и возглавить. Разве корона и величие твоего рода не стоят риска? Разве бессмертие, не зависящее от воли потомков, не стоит маленьких усилий и хитрости? Яррен тут, в штольне. Отдай мне его, и ты получишь больше, чем мечтал. Ты убьешь огненного короля и сам станешь королем.

– Глупости. Не забивай мне мозги. Зачем тебе Яррен?

Старуха хихикнула.

– В кроватку. Каменную. Раскаленную. О! Как будет вонять его кипящая инсейская кровь! – голос ее стал тише. – Я увидела его имя в Чаше. На пути величия синтов стоит этот мерзкий полукровка. Не он один, велика честь для такого, но он – первый камень. Он стоит и на твоем пути, риэн, но ты пока этого не знаешь. А Чаша мне показала. Всё показала, нужно только уметь увидеть. Ты отдашь мне его, тогда и получишь свою девку с синими глазами.

– Хорошо. Забирай. Я что-нибудь придумаю, как скрыть его смерть. К тому же, на нем браслеты. Ты сможешь сожрать свою жареную инсейскую рыбку.

– Я приведу тебе свеженькую жрицу, господин. Ее красный цветок еще не распустился, а губы нежны и умелы.

– Прибереги ее для меня, старуха. А мне, пожалуй, пора. Нужно кое-что подготовить, чтобы наша сделка состоялась. Не так просто вытащить Яррена из-под надзора. А ты, когда найдешь эту вашу неоту, сразу надень на нее вот этот амулет.

– Обязательно, лед вершин. Обязательно. Я провожу тебя.

А вот это уже опасно. Безымянная отлипла от стены и, осторожно ступая по карнизу, выбралась на безопасное место, но тут же скользнула в скальную щель. Раздался скрежет железной двери, и послышались легкие шаги в священной пещере.

– Неота, ты здесь? – позвал ее голос Онриль.

Девушка промолчала, и жрица ушла.

Железная дверь вернулась на место.

Подождав еще немного, неота забралась по неровной стене к отверстию воздуховода, открыла решетку с густыми ячейками и, не забыв закрыть за собой решетку с помощью заранее привязанной веревки, поползла по узкому лазу, шипя сквозь зубы, когда шершавый камень впивался в ее обнаженную тонкую кожу, смазанную толстым слоем жира.

Она выбралась из воздуховода в подземном саду, где легко спрятать что угодно среди фосфоресцирующих растений, забрала припрятанную под камнем одежду, но переодеваться не стала. Не так много у нее одежды, чтобы пачкать ее жирной грязью.

«Отец?» – позвала она. Надо передать, что Яррену фьерр Ирдари угрожает опасность. Но дух не отозвался. Гора Ассияшт всегда «глушила» их связь.

Тайными лазами она пробралась к арке перехода. Пусть попробуют ее найти. Горы огромны.

Она добралась до своих любимых теплых источников в заброшенной пещере. Здесь синты не жили, а безымянный, как и она сама, Лепесток увял.

Так всегда случалось, когда угасал род магов-риэнов, живший на поверхности горы. И говорили, это случалось всё чаще. Некому было ни призвать, ни приструнить духов-хранителей, никто не мог следить за состоянием горной породы, и здесь никто не мог чувствовать себя в безопасности ни на земле, ни под землей.

А значит, никто не сунется сюда за беглянкой.

Неота кое-как соскребла с себя жирную пыль, вытерлась пучками сухого мха и, одевшись, завернулась в меховой плащ и подтянула колени к груди, пытаясь согреться.

«Отец?», – снова позвала она, чувствуя, как страх втекает в душу. Молчание.

Ей казалось, она только-только закрыла глаза, как ее уже разбудил ворвавшийся в сон голос: «Дочь! Звездочка моя, проснись!»

«Да, папа? Почему ты не отвечал? Папа, Саэтхиль хочет убить Яррена».

«Вот как? Ну-ну! – хохотнул дух. – Солнышко мое, найди себе более безопасное место и спрячься. В горах сегодня будет горячо».

Глава 4. Адова Пасть

Знаешь, мой принц, а ведь действительно легче сосредоточиться на главном, когда ведешь мысленную беседу с близкой душой под предлогом того, что пишешь письмо, которое не собираешься отправлять.

Может быть, я излишне самонадеян, считая себя близким другом наследного принца. Что ж, по крайней мере, я точно знаю, что был единственным твоим другом в Белых горах.

Кстати, мои родители почему-то запрещали мне передавать тебе письма и записки с помощью нашей магической почты. Обычно мы вообще не заморачиваемся перепиской, а отправляем духов с поручением передать слова. Все равно от них ничего не утаить. Если уж совсем хочется тайны, то можно прибегнуть к шифровке, но ее тоже не утаить от существ, которым доступны все твои помыслы. Небольшая, но крайне неприятная плата за бессмертие и помощь высшего мира. Интересно будет узнать, что ты об этом думаешь, когда-нибудь спрошу.

От своего отца я знаю о некоторых ограничениях, которые были наложены на твои знания и передвижения по Белым горам. Да и твоя мать, королева Хелина, недвусмысленно запретила трепаться под угрозой отлучения от дома Грахар. Я дал ей слово и не мог его переступить. Это все из-за того, что ты станешь королем равнин и сможешь использовать знания против нас. Я этой уверенности не понимал: с чего они решили, что ты предатель?

К счастью, ты не особо и спрашивал. Меня всегда удивляла в тебе эта отстраненность, словно ты не в нашем мире живешь, а в каком-то своем, словно околдован. Бред, конечно. Не могла леди-риэнна и королева опаивать собственного сына. Она же будущего короля воспитывала, а у правителя должен быть ясный ум и твердая воля.

Но я отвлекся.

Так вот, в некоторых местах Белогорья даже мне бывать не приходилось, что неудивительно, ведь горы огромны.

Штольня «Адова Пасть» в горе Ассияшт – одно из таких мест. Запретное. Особо охраняемое.

По пути меня трижды останавливали стражи: прямо в небе окружали летящего Эльдера, из вредности сотворившего себе обличье синего дракона, но не для того, чтобы полюбоваться на игривого ласха, а спрашивали наш пропуск. Как такового, у меня его не было, зато свиток, полученный мной от Рагара,

производил похожее впечатление: меня пропускали без лишних вопросов.

Подлетая к горе, я чувствовал себя так, словно попал в иное Белогорье. Тут всё пахло невероятной древностью. Когда-то штольня принадлежала давно угасшему роду, носившему то же имя, что и гора. От родового замка на горном склоне осталась лишь высеченная в скале драконья морда. Впрочем, уже давно не видная под толщей наросшего за века льда. О барельефе мы знали лишь по миниатюрам летописей.

Дальеги давно покинули ставшие безжизненными места: без защиты духов рода, не оставившего живых потомков, вымерла вся растительность долины, раньше пышным кольцом обрамлявшая гору. Зверье сюда не забредало, даже белые орлы не вили здесь гнезд – ледяной панцирь спустился почти до подножья. Когда нет живых сердец, согревающих землю, она словно остывает быстрее. Соседние пики покрывались панцирем лишь наполовину, а высота одинакова.

В сердце горы скрыта глубочайшая расщелина. Хроники говорят, что здесь, почти в центре Белогорья, тысячи лет назад прорывался вулкан, и его взрыв был остановлен огненным магом Саймиром – последним сыном рода Ассияшт – и запечатан его смертью. Окончательной смертью, без грядущего возрождения.

С тех пор в недрах убитого вулкана находят воистину бесценные алмазы, чистейшие и крупнейшие в мире.

Хроники скупо повествуют, что силы дара Саймира не хватало справиться с бедствием, и он положил на чашу весов вечности свое бессмертие, и тем перетянул их.

Я этой истории не мог понять. Героизм – это замечательно, этим можно гордиться. Но разве Белогорье не способно вернуть жизнь своим героям? Разве о горных королевах не говорится, что их величайший дар – способность призвать любых духов любого горного рода от начала времен и дать им вторую плоть? Кроме первопредков. И, конечно, кроме божественных айров – тех, кто создал нас, риэннов, наделив дикое племя горцев белым волшебным пламенем, а затем создал и остальных магов мира – красных аринтов, синих ласхов, желтых шаунов и даже зеленых инсеев.

Так неужели наши великие маги, погибшие ради жизни Белых гор, недостойны бессмертия? Какая безумная несправедливость!

Или, – думал я в полете над горными кряжами, – герои, подобные последнему риэн-лорду Ассияшт, опустошившие в себе магическое пламя до самого дна, до последней искры, превращаются в тех первопредков, которые еще не были наделены волшебными дарами и не обладали бессмертием? Куда же уходит их развоплощенный дух?

А может быть – как я страстно надеялся – подвиг таких лучших из горцев, как Саймир, так велик, что он достигает даже ушедших в иные небеса айров, и герой становится равным им божеством?

Тогда было бы понятно, почему и дух Саймира, и духи горцев, подобных ему, и духи всех до единой горных королев – не подвластны зову потомков. Королевы тоже уходит навсегда и не обретают вторую жизнь во плоти.

Я не мог помыслить, что боги так несправедливы. Или даже – глупы.

Не мог представить, что участь правительниц и героев, служивших Белогорью душой и сердцем, отдававших жизнь и посмертное бытие ради нас – стать ничем. Развеяться и телом, и духом в бессмысленной пустоте. Разделить участь простых смертных и участь обычных животных.

Не мог принять этого, потому что при таких мыслях не воспаряет душа, ссыхается сердце и не хочется жить, какие уж там подвиги.

Ты бы со мной согласился, Лэйрин. В тебе всегда было обостренное чувство справедливости. Именно потому я знаю, что из тебя получится отличный король, куда лучше твоего отца. Если, конечно, он не утянет тебя по своим бесстыжим стопам.

Тьфу, опять вспомнил…

Тут Эльдер, по третьему кругу облетевший гору Ассияшт, нашел трещину во льдах, скрывшую устье пещеры, и опустился на выступе перед входом.

Ласха пришлось оставить снаружи: его не пропустили охранявшие вход в штольню стражники-дальеги – крепкие и смуглые обитатели горных долин. Да он и сам не пожелал, проворчав:

– Я тут не червяк земляной, чтобы по норам ползать. Здесь тебя подожду. Не забудь потом к двум бочонкам черничного добавить малиновое варенье. За простой кареты.

– Ну ты и жулик, Эльдер. А джем подойдет?

– Вполне. Видишь, какой я сговорчивый?

– И бескорыстный.

– Это точно. Бессребреник, – оскалился во всю пасть снежный дьявол.

Дальеги вряд ли знали грамоту, но печать на приказе изучили и провели меня в пещеру, откуда начинался длинный ход в глубины скал. Там околачивалась четверка вейриэнов в белых одеяниях. Помнишь, Лэйрин, нас с тобой всегда поражало, как Рагар умудряется сохранять идеальную чистоту одежд в любых условиях? Так вот, эти переплюнули идеальностью даже твоего учителя.

Прочитав документ и задав пару уточняющих вопросов, они передали меня, как эстафетную палочку, бледноликим подземным жителям – синтам.

– А этот Яррен из дома Ирдари точно у нас? – задумчиво обронил один из вейриэнов, когда я уже повернулся к выросшему рядом тоненькому синту с белыми волосами, заплетенными в косу, свисавшую до колен, и с длинными, как щупальца, пальцами, унизанными перстнями.

– Если это тот, в чьих жилах смешаны вышний свет риэнны и глубины вод инсея, то искомый полукровка находится на пятнадцатом ярусе, – мелодично отозвался хранитель недр, сощурив по-совиному огромные желтые глаза.

Из-за характерного цвета синтских глаз многие подозревали, что у белобрысого и желтоглазого негодяя Наэриля в роду все-таки побывала синтка, что более чем странно. Поскольку синты не смешивают кровь ни с кем, даже с благородными

горными лордами (потому сплетням о Наэриле не особо верилось). А чтобы их кровь обновлялась, они заключают браки с такими же подземными жителями других гор всего Эальра, даже с далекими Синими горами. Издалека, пробираясь ночами, поскольку плохо переносят солнце, они привозят мужей своим дочерям и расплачиваются за женихов алмазами или отдают в чужие горы своих дочерей и сыновей. Потому еще горные лорды никогда не откроют своих тайн синтам, чтобы о них не узнали враги.

– Я только что с пятнадцатого яруса, – возразил вейриэн. – Новых работников там нет. И в списке, переданном мне, это имя не значится. Как он выглядит, этот Яррен?

– Сейчас трудно сказать точно, белый ветер ущелий, – синт не к месту ввернул метафору, которой поэты шифровали вейриэнов.

Мне впервые за последние часы захотелось улыбнуться: точность и синт – абсолютные противоположности, когда речь не идет о ювелирном мастерстве. В том, что касается драгоценностей и способов их обработки, синты – непревзойденные мастера точности. Но во всем остальном – велеречивые поэты.

Между тем, подгорный житель вдохновенно повествовал:

– Три шага небесного яруса тому назад (у синтов время измеряется в шагах, шаг равен получасу), когда привезли изменчивоглазого мастера жидкого света (тут даже вейриэны не смогли сдержать изумления, я засек), он выглядел так плохо, что наша кровь стала от ужаса из алмаза углем. Мы – хранители чрева великой Ассияшт, а не убийцы детей ее сестер, – желтые глаза синта сверкнули так ярко, словно зажглись солнца. – И тогда поднялась из забвения Отраженная Саэтхиль, сведущая в тайнах горной крови, и сказала, что даст юноше ту силу, какой он достоин, и увела его на излечение. Потому нет его имени в списках тех, кто подлежит исправлению, а белый ветер ущелий пролетел мимо и не услышал биения чужого сердца.

– Вот оно что, – вейриэн хмыкнул и отвернулся. – Тогда проводи парня к вашему подопечному.

Я представил, сколько мне придется выслушать по пути цветистых оборотов речи синта, взявшего за образец бесконечные гимны айров, и содрогнулся.

– Проводников мне не надо, – сказал. – Меня дух доведет.

Синт хлопнул глазищами и, молча поклонившись, растворился во мраке пещеры. Словно светильник погас.

Подземных белокожих и беловолосых жителей недр наши поэты называют «кровью гор». Странный это народ даже для меня, привыкшего к чудесам, которые в Белых горах встречаются на каждом шагу.

По внешнему виду синта трудно сказать, девушка перед тобой или парень. Все – тоненькие, безгрудые, невысокие. У каждого на поясе – изящный топорик-кайло. У всех – бесцветные гладкие личики, огромные желтые глаза на пол-лица, белые волосы ниже талии, а их талию, к слову, двумя пальцами обхватить можно. И еще у них нежнейшие на свете птичьи голоса. Кому-то синты казались сказочно прекрасными, но я считал их блеклыми и одинаковыми, как муравьиные личинки.

Спустившись на ярус, я вынул из-за пазухи один из амулетов, сплетенных матерью, сосредоточился. Лорд может и без амулета обратиться к духам за помощью, особенно, к своему личному покровителю. Но это тяжелее стократ, и не факт, что зов услышат и соизволят прийти.

У женщины-риэнны все проще и быстрее происходит. С женщинами даже духи не спорят – слетаются, как миленькие, стоит только пальцем с капелькой крови поманить. В каждом моем амулете была капля крови риэнны дома Этьер.

В отличие от женщины, мужчина-риэн не способен дать духам плоть. Потому к нам и не спешат на зов своевольные предки, если нет прямой угрозы жизни потомка. А сейчас мне всего-то надо, чтобы кто-нибудь провел меня сквозь скальную породу кратчайшей дорогой, открытой только духам. Блажь, с точки зрения бессмертных.

Едва я приложил ладонь к амулету, в затылок дохнуло ледяным холодом.

– Дадут мне сегодня покой или нет? – старческий голос проскрипел несмазанной телегой. – Только что одна ведьма трясла дурной кровишкой, явиться вынудила,

а теперь ее отпрыск за те же шалости!

– Прости, что нарушил твой небесный покой, лорд Рогнус.

– Да какой я тебе лорд! – левое ухо обдало холодной злостью. – Сколько говорил тебе, юнцу беспамятному: неужели к моему прекрасному и грозному имени обязательно нужна какая-то глупая нашлепка никому не нужного титула?

– Не буду, Рогнус.

С ним мне крупно не повезло. Моим личным опекуном стал пренеприятнейший из предков – брюзгливый, как тысяча больных старух. Тупой нож в печень – такое удовольствие я испытывал от общения с типом, жившим за тысячу лет до меня.

Даже среди духов Рогнус был редким оригиналом – отказался от второй плоти, предложенной ему матерью в награду за опекунство. Он, видите ли, больше не хочет стеснять и пачкать свободный дух бренным прахом. «Ты еще предложи мне заняться сексом в полном рыцарском доспехе», – врезались в память его слова, сказанные моей матери. Мне тогда было двенадцать лет, и я не мог понять всех тонкостей сравнения.

– Ну, позвал, так говори, зачем? – раздраженно спросил Рогнус.

– Мне надо как можно быстрее попасть на пятнадцатый ярус штольни и найти Яррена фьерр Ирдари.

Дух, разумеется, взъярился.

– И только ради этого ты меня вытащил в ваш вонючий мир? Лентяй! Зачем я только потомков оставил, чтобы какой-то оболтус позорил мою вечность! Ты хоть о цене зова помнишь, истинноживущий олух, не желающий мозолить нежные ножки? – язвительно осведомился брюзга.

Вот это и было самым мерзким – плата. Одно дело, когда опекающий дух сам приходит. Тогда он ничего не потребует и будет доволен любой подачкой. Другое дело, когда тебе от него что-то надо, помимо спасения собственной шкуры. А берут они болью и страданиями. Так мне тогда казалось.

– Помню, Рогнус. Бери.

– Я немного возьму, не трясись так, мой несчастный потомок, – с неожиданной теплотой вздохнул дух. – Знаешь ведь, что иначе мне не помочь тебе в плотном мире. Мне самому противно, поверь.

Это было что-то новенькое в наших непростых отношениях. Неужели его проняло, что подопечный вот-вот надолго покинет Белые горы? Так ведь это ничего не значит, вызвать я его могу хоть на краю земли.

В этот момент он меня коснулся, и я едва сдержался, чтобы не заорать от боли и отвращения. Словно в меня медленно и со вкусом впивалась семиглавая ледяная змея.

Сначала она прогрызла макушку, потом лоб между бровей, и втекла в мозг. Через миг – ледяной укус в яремную впадину. Потом проскребло стальными когтями сердце. Но самое мерзкое, когда змея вторглась в солнечное сплетение, на долгую минуту лишив меня дыхания, сползла к пупку и едва не вывернула кишки – меня затошнило. А потом будто вгрызлась в пах. Тут я взвыл.

И почему хроники говорят, что раньше – до того, как была убита королева Лаэнриэль – соприкосновение с предками рода приносило радость, сравнимую с озарением, обеим сторонам – и живым, и мертвым? Извращенцы!

Я почувствовал себя нанизанным на копье. С семью наконечниками. Винтовыми.

И это Рогнус назвал «возьму немного»? Обычно он обходился инспекцией содержимого моего черепа и сердечной сумки. А тут…

– Все, Дигеро, уже все, – шепнуло в моем выскобленном ледяными скребками черепе. – Мы на месте. Если бы ты расслабился, нам обоим было бы не так больно.

– Обоим? Что может болеть у бесплотного духа? – прохрипел я, отдышавшись.

Чужой смех внутри черепа – это жуткое ощущение.

– Рогнуссс, – процедил я. – Мне хочется разбить себе голову, когда ты щекочешь ее изнутри.

– Неблагодарный! – обидевшись, дух заткнулся.

Обстановка вокруг, действительно, сменилась. Вопреки ожиданиям, вместо векового холода и тьмы, царивших в подгорных глубинах, здесь было светло и жарко до духоты. Алый свет шел от казавшихся раскаленными стен широкого и низкого хода. На самом деле они были едва теплыми, а жар наплывал волнами откуда-то снизу, словно там клокотала вулканическая лава.

Название самой глубокой штольне гор дали самое подходящее. С меня уже ручьями сбегал пот.

А ведь мстительный Наэриль не случайно именно сюда отправил Яррена. Даже будь мой приятель чистокровным инсеем, то не сможет здесь воспользоваться даром водной магии. Он высохнет здесь, как лужица от лесного пожара!

Наэриль задумал убийство, это очевидно, хотя пока бездоказательно.

– Тебе стоит поторопиться, – на этот раз Рогнус проявил тактичность и шепнул не где-то под черепом, а в ухе.

Я двинулся в сторону пекла, не сворачивая в отнорки, разрезавшие блестящие гладкие стены.

Пот уже перестал струиться – высыхал на лету. Через полсотни шагов из бокового хода вынырнул, наконец, хранитель-синт и заступил дорогу, низко склонившись.

– Могу я узнать, зачем благородный и чистый лед вершин избрал путь конечной гибели? – с пафосом прозвучал его голос – на удивление глухой, словно надтреснутый колокольчик. Да и его обладатель выглядел необычно. Серый балахон с капюшоном, из-под которого выглядывало востренькое ссохшееся личико с лихорадочно блестевшими охряными глазами под белыми ресницами. Впервые я видел старика-синта. Или старуху.

– Я ищу Яррена фьерр Ирдари. У меня приказ об его освобождении.

– Не сочтет ли фьерр за праздное любопытство, если я спрошу, почему нужно искать его в Чаше Цветка, где вот уже полтора века не появлялись смотрящие на солнце?

– В какой чаше? – я облизнул пересохшие губы. – Мне сказали, что Яррен отбывает наказание… То есть, лечение на пятнадцатом ярусе.

Синт затрясся в беззвучном смехе.

– На пятнадцатом? А что тогда благородный лед делает на первом уровне, где растает лишь через шаг небесного яруса?

Речь этого существа наводила на подозрения, что в пекле ссохлось не только его тело, но и рассудок.

«Убей ее», – ожил в голове Рогнус. – Или дай мне ее убить».

Дух тоже свихнулся.

«Не смей! – приказал я, отметив мельком, что мы с духом не сошлись в определении пола существа. – За что ее убивать? Мы – покровители синтов, а не…»

«Убей немедленно!» – с визгливыми нотками заорал предок.

Они и меня так сведут с ума!

– Это не может быть первым ярусом, – ответил я синтке. – Ну, хорошо, скажи мне, где я могу найти Отраженную Саэтхиль?

– Здесь, – раздвинулись сморщенные губы существа, обнажив беззубые почерневшие десны. – Здесь, тающий лед вершин, здесь. На пятидесятом ярусе в ваших свитках. Идем, я провожу тебя к ней.

– Подожди, ты сказала – пятидесятый ярус?

«Ничего себе ты промахнулся, родственник!» – заметил я духу.

За ним не заржавело: «Тебе нужна была дурацкая цифра, или место, где найти Яррена?»

Старуха, сделав пару шагов, оглянулась:

– Именно так обозначен у вас первый уровень смерти. Идем же!

«Раздави гадюку, пока не поздно!» – зарычал кровожадный дух.

В кишках засвербело, к горлу подступила тошнота. Ну что за сволочь у меня предок!

Я остановился, пытаясь справиться с приступом. Синтка снова оглянулась. Глаза ее недобро сощурились, рука приподнялась ко рту.

«Дай мне убить ее!» – взорвалась голова воплем Рогнуса.

Под его ли импульсом, или от привычки действовать, не дожидаясь, когда в тебя выстрелят отравленной иглой, я метнул дротик. Но старуха непостижимым образом скакнула, как скачет по стене тень, когда колеблется пламя свечи, и дротик лязгнул о камень. Что за дьявольщина!

Я выхватил второй дротик, а синтка приложила кулак к губам, и в этот момент из отверстия в стене, у которого остановилась старуха, вылетела тонкая, едва видимая нить, захлестнула ее горло и… срезанная голова синтки покатилась по наклонному полу, заливая его кровью, а через миг покачнулось и рухнуло туловище, конвульсивно дергая конечностями. Из правой ладони трупа выкатилась серебряная духовая трубка.

Рогнус разжал впившиеся в мою плоть невидимые когти, но меня все-таки вывернуло. Хорошо, что я сегодня почти ничего не ел.

– Как ты убил ее, Рогнус? – прошептал я, вытерев губы рукавом. – Я же запретил!

«Это не я убил, к моему великому стыду за себя и тебя. Нас опередили, – довольным тоном сообщил дух. – Давай-ка, шевели ногами, лентяй!»

Я поспешил к трещине в стене, перешагивая через красные разводы – кровь убитой уже высыхала, превращаясь в сухую пыль.

В узком отнорке лежало еще одно человеческое тело. Едва я наклонился, оно пошевелилось.

Человек поднял голову, и я с трудом узнал Яррена. Его кожа посерела и растрескалась, как сухая земля после месячного зноя, губы почернели и запеклись. Но глаза – свирепые и почему-то ярко-синие, с полыхавшими у зрачков золотыми искрами – пару мгновений смотрели так, словно Яррен, и умирая, прикидывал – хватит ли ему сил убить и меня.

– Рагар, – сказал я волшебное слово. – Прислал меня за тобой, Яррен.

Ярость в глазах полукровки мгновенно сменилась торжеством.

– Сдохла, ссука… – хрипя, то ли спросил, то ли сообщил он.

– Старуха? Да. Без головы не живут.

Он удовлетворенно прикрыл веки, сделал попытку встать и отрубился.

«Силен. Учись, потомок, – прокомментировал дух. – Бери парня и… уж прости, но я возьму у тебя больше, чем намеревался. Двоих тащить труднее, а с Яррена я не смогу ничего взять».

Мне было уже плевать, пусть хоть целиком меня сожрет.

Дух вынес нас на площадку перед носом задремавшего Эльдера. Ласх совсем не удивился жуткому зрелищу, словно предполагал, что иначе и быть не могло. Он молча извлек откуда-то небольшой сосуд и даже не подумал возиться с пробкой – откусил горлышко, выплюнул, а содержимое склянки влил в губы Яррена, кончиком крыла щедро размазав остатки пойла по изуродованному лицу

умирающего.

– Клин клином, – услышал я странное заклинание.

Шипело так, что мне показалось: ученик Рагара останется без кожи.

Пока ласх возился с ним, дух меня воспитывал. Но я так переживал за Яррена, что у меня в одно ухо влетало, в другое благополучно вылетало, и я ни слова не запомнил из поучений. Рогнус плюнул на недоумка. Винтовые копья вывернулись из моего тела в обратном порядке.

Когда дух предка покинул меня, буркнув напоследок: «А тут не так и скучно оказалось. Расти дальше, потомок. И не забудь пригласить меня в следующую передрягу!», – я понял, что такое настоящее блаженство.

Все это заняло у нас буквально пару минут. Когда из устья пещеры показались взбудораженные вейриэны и даже избегавшие солнца синты в специальных масках, я уже затащил Яррена на спину ласха, и мы рванули в небеса.

Когда-нибудь я спрошу у тебя, Лэйрин, почему ты уютной, безопасной и мгновенной тропе духов предпочитаешь путешествия на ласхах, этих летающих ледяных торосах с торчащей хуже стеклянных осколков чешуей. От них, извини, задница безбожно леденеет! Хотя скорость у них, конечно, непревзойденная. Только это и спасает от обморожений.

Глава 5. Вира

Тысячелепестковый храм Чаши, раскинувшийся в толще Белых гор, огромен. Никто не представлял его истинные размеры. Под каждой горой и сопкой имелись его Лепестки, и жрицы шептались, что некоторые находились даже за пределами Белогорья, а самые древние, на самых нижних ярусах, были заброшены, потому что никто не знал их ключ.

Сделать план, то есть, сопоставить внутреннюю структуру ходов и внешние очертания каменных пик тоже никто не мог: горы дышали, ходы между

Лепестками то закрывались, то открывались новые, а иногда и весь Лепесток внезапно исчезал, как не было.

Еще никогда этого не происходило, если в пещере была хотя бы одна жрица. Потому одна из парий дежурила в своем храме всегда.

Лепестками Чаши назывались особые пещеры, покрытые тускло светящейся субстанцией, похожей на живой огонь. На нижних ярусах в них встречались горячие источники. В самом источнике и поблизости от него могли жить только полумагические формы растений, плесень и подгорные змеи, питавшиеся зазевавшимися синтами, насекомыми и вездесущими мышами. Воздух в таких пещерах был всегда влажным, насыщенным ядовитыми и галлюциногенными испарениями. Потому синты назвали пещеры и рощи священными, и не совались в них без особых масок.

Опасный центр окружала полоса подземных плодовых и грибных садов – источник сладостей, приправ и лекарств. Мясо и молоко верхних животных синты не ели, считая их скверной, даже фруктами и овощами, впитавшими свет солнца, брезговали. Исключение было для корнеплодов и земляных орехов – кроме грибов, основной пищи подгорцев, на которую они меняли ювелирные изделия и змеиные яды.

«Знали бы в храме, какой пищей я оскверняюсь каждый раз, когда выхожу на поверхность!» – ухмылялась неота, научившаяся даже силки для зайцев ставить под мысленным руководством отца, свежевать добычу и жарить на костре. Она и жирную утку могла сбить камнем из пращи. Та, кто так долго готовилась к побегу, всю жизнь училась выживать.

Выше ярусом шла храмовая зона – естественные и рукотворные отнорки, обустроенные как общие залы или как личные кельи жриц – хранительниц священных арок, рощ, змей и синтских тайн, таких как сотворение без магии магических амулетов из змеиной кожи и драгоценных камней.

Следующим ярусом кверху располагались мастеровая и жилая зона подгорного народа. «Кровь недр», – так они себя называли. Горы были пронизаны их муравьиными ходами, как капиллярами.

А сердцем всего был таинственный центр Чаши, куда имели доступ только посвященные жрицы. Где он находился, не знала даже мать неоты, жрица Онриль.

В структуре Храма было еще много тайн, в которые не посвящались такие безымянные и бесправные вещи, как неоты. К примеру, Арки Переходов.

Дочь Грэмира не могла понять, какое чудо переносит ее из одного лепестка в другой, стоило только встать в особую, светящуюся и инкрустированную драгоценными камнями и золотыми рунами арку и хорошенько представить рисунок другой арки, цели перехода.

Отец как-то пытался объяснить ей про сплав белой магии, свойств камней, пути духов и физических законов, но неразвитый ум Безымянной отказывался понимать его объяснения.

Ведь в самой девушке нет магии, а огромный «амулет» исправно работает. Как?

И она просто пользовалась аркой, всякий раз закрывая с ужасом глаза и боясь бесследно раствориться в толще горной породы, если вдруг собьется таинственный механизм.

На каждом таком портале, как называл эти арки отец неоты, был неповторимый рисунок. Лепестки храмов и назывались по этим рисункам, хотя арок было больше, чем священных пещер, и вели они не только к храмам, но и в штольни или даже на поверхность.

Если забудешь хотя бы один камушек или рунный завиток – переход не состоится, и придется искать свободную жрицу, которая помнит нужный рисунок и может запустить этот огромный амулет переноса, сотворенный в древности белыми магами и синтскими мастерами.

Нужно обладать феноменальной памятью, чтобы помнить все шифры всех арок, никто и не знал их точное количество, и говорили, что ко многим лепесткам путь уже забыт, и они увяли вместе с хранившимися в них тайнами. А некоторые порталы были намеренно разрушены верхними горцами, потому что слишком близко располагались к их дворцам и секретам – таким, как Долина Лета.

Чем большее количество порталов могла пройти подгорная жрица, тем выше она ценилась во внутренней иерархии храма Чаши.

Неоту обучили шифру всего лишь пяти порталов, чтобы девушка могла хорошо служить там, где понадобится. Большее считалось и ненужным для «вещи храма», ее всегда могли доставить в нужное место сами жрицы.

Но Безымянная знала гораздо больше, никому не открывая своих знаний. Она знала все, что помнил ее отец и смог объяснить, а неота – воспринять. Если мысленных объяснений Грэмира не хватало, он мог привести дочь к какому-нибудь забытому жрицами, но известному вейриэнам порталу простым ходом, через пещеры, а там уже оставалось запомнить новый рисунок.

Случись неоте обрести имя и стать жрицей Чаши, она мгновенно поднялась бы в иерархии почти до самых вершин.

Если бы захотела.

Возвращаться в свой Лепесток неоте не хотелось, но приказ отца был однозначным: найти безопасное место, а ничего более безопасного, чем родной Лепесток, изученный вдоль и поперек со всеми его лазами, сталактитами и жителями, девушка не знала.

Потому отправилась именно туда.

Но, когда она вышла в из арки, то сразу поняла: что-то случилось. Что-то изменилось в подгорном мире.

Во-первых, вышла неота не в Бирюзовой Арке, а снова в горе Ассияшт, только не в заброшенной, а в храмовой арке. Холодный пот ужаса выступил на спине неоты, когда она поняла, что произошла катастрофа. Либо ее личная – путаница в памяти всех рисунков-ключей. Либо глобальная: сбой всех переходов.

У нее ослабли колени от страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ar-yar_irmata/lordy-gor-beloe-plamya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить